Донос мертвеца

Автор:
Александр Прозоров

Донос мертвеца

Александр Дмитриевич Прозоров

Боярская сотня #3

Они всего лишь хотели сыграть в ролевую игру. Воссоздать великую битву далекого прошлого. Но – что-то случилось. Прошлое само настигло их и стало реальностью. Вихри времени забросили людей нашего столетия в кровавую эпоху царя Ивана Грозного. В страшные годы опричнины и бесконечных войн с Ливонским орденом. Здесь надо уметь сражаться. Здесь надо учиться выживать…

Александр Прозоров

Донос мертвеца

Часть первая

Луга

Глава 1

Кровь

По сторонам широкого и ровного, совершенно белого поля высоко к серому облачному небу поднимались темные вековые ели. На их широких, пахнущих едкой свежей смолой ветвях лежали пухлые сугробы поблескивающего чуть синеватым отливом пушистого снега. Кое-где между стволами пытались подставить инею тоненькие веточки ивовые ростки, но на фоне древних многолетних деревьев они почти совершенно не различались. И всю эту картину зимнего лесного покоя накрывала сонная спокойная тишина.

Однако, где-то там, под толстым полуметровым слоем бескрайнего белого покрывала продолжалась жизнь. Тихонько попискивали мыши, подкрепляя силы в своих подземных кладовых и иногда выбираясь на прогулку по проложенным в белом невесомом одеяле ходам. Там же следом за ними рыскали игривые горностаи, пряча свою пушистую, коричневую с белым брюшком шкурку от жадных глаз волков или двуногих промысловиков.

Пытались мышковать среди сугробов и лисицы – но эти хищницы скрыться под снегом полностью не могли, и время от времени их остроконечные уши и рыжие взлохмаченные головы появлялись над белой гладью, черные бусинки глаз настороженно оценивали окружающее безмолвие, после чего усатые мордочки снова скрывались внизу.

Но вот сразу три рыжие морды приподнялись над сугробами неподалеку друг от друга и дружно повернулись в одну и ту же сторону. Замерли, явно пытаясь что-то рассмотреть сквозь густой ельник. Казалось бы, ничего не происходило – но лисы придерживались совсем другого мнения: одна из них нырнула под прижатую снегом к земле еловую лапу и больше не появлялась, а две другие длинными прыжками пересекли ровное поле и растворились среди деревьев на другой стороне.

Еще не меньше получаса ничего не происходило – а затем послышалось громкое недовольное фырканье, и в широком просвете между деревьев показалась продолговатая и широкая лошадиная морда.

– Вот и Луга, – разорвал тишину чуть сипловатый, с посвистом голос и на заснеженный лед неторопливым шагом начал вытягиваться длинный караван.

Первым на гнедом жеребце ехал кряжистый кареглазый воин в простеньком волчьем налатнике накинутом поверх сверкающего наведенными пластинами юшмана. На груди, на кольчужном, панцирного плетения вороте лежала покрытая инеем окладистая русая борода, голову покрывала толстый войлочный подшлемник. Когда всадник поворачивал голову, становилась видна еще не полностью затянувшаяся рана на горле и сбившийся шелковый платок – видимо, долженствующий эту рану закрывать. Руки, которыми воин держал повод коня, ниже локтя защищались блесткими, недавно кованными наручами, а ниже были спрятаны в большие суконные рукавицы, отороченные беличьим мехом. Впрочем, правой рукой ратник больше придерживал не повод, а высоко поднятую рогатину.

С широкого пояса всадника свисала кривая сабля с узкой гардой, тяжелый боевой кистень и нож с резной костяной рукоятью – явно не воинский клинок, а так, для баловства и мелких походных нужд.

Выступающие из-под длинного подола русского доспеха ноги были надежно спрятаны в кольчужные чулки, скрывающиеся в самых обычных валенках, поверх которых темнели высокие татарские батарлыги. У левого стремени, под остроконечным шишаком, болталась изрядно потрепанная метла, у правого, под круглым щитом из легкого тополя, оскалилась промерзшая собачья голова с крупными кровавыми каплями, застывшими на кончике черного носа. Позади, по обеим сторонам седла, почти на крупе жеребца лежали колчан, плотно набитый стрелами и налуч, из которого выступал лайковый лук с уже натянутой тетивой.

В поводу воин вел заводного серого в яблоках коня, на спине у оного лежали пухлая скатка и холщовые чересседельные сумки. Небольшие – такие обычно перекидывают через холку лошади впереди всадника.

Следом двигался второй воин, разительно отличный от предводителя отряда: у седла его смотрела в небо не рогатина, а тяжелая граненая пищаль, за спиной его висел, сверкая остро отточенным полумесяцем, стрелецкий бердыш. Сам всадник, гладко выбритый и ростом почти на две головы превышающий первого, одет был в перетянутый форменной портупеей нарядный синий с яркими желтыми шнурами зипун, широко распахнутый на груди. Из-под зипуна проглядывал светло-синий бронежилет с недавно нашитыми матерчатыми ячейками патронташа и ворот обычного милицейского кителя. Правда, на ногах у него оттопыривались пухлые меховые штаны, а вместо ботинок так же серели грубые потоптанные валенки. Лука и стрел у второго воина не имелось, вместо

них на крупе покачивался туго свернутый медвежий тулуп и небрежно прицепленная к нему стрелецкая берендейка. В поводу шла довольно щуплая кобылка, но и груза на ней лежало всего одна котомка.

Дальше отряд составляли обычные русские ратники, собравшиеся в обычный недалекий поход: серебрились инеем бороды, неспешно переступали кони, покачивались круглые и каплевидные щиты, согретые меховыми налатниками, поблескивали колонтари, юшманы, редкие бахтерцы. Впрочем, некоторые воины предпочитали обычные кольчуги, усиленные зерцалами или куяками, а то и вовсе ширококольчатые байданы. Бояре победней обходились тегиляями с нашитыми на груди стальными пластинами, кольчужной подстежкой – а то и вовсе без всякого усиления. Но таковыми в основном были не сами помещики, а оружные смерды, поднятые в поход вместе с барином согласно требованиям писцовых книг. Многие ехали в шлемах – не столько потому, что опасались близкого ворога, сколько ради теплых, густых и красивых мехов, оторачивающих мисюрки и шлемы. Почти все воины придерживали руками рогатины – верный признак похода на немцев. С рогатиной на Руси, как известно, ходят только на медведей и рыцарей – против татар с их прочными пластинчатыми доспехами приходится браться за граненые бронебойные копья.

Головные воины проехали, раскидывая снег копытами коней, несколько гонов, после чего первый всадник неожиданно принял влево, поворотил коня и остановился.

– Что случилось, Семен Прокофьевич? – пристроился сбоку воин, вооруженный пищалью и бердышем.

– Подождем, Нислав, – прикрыв горло рукавицей, ответил первый. – Пусть рать плотнее соберется. Ползем, ако змея, тонкой ниточкой. Нехорошо.

Воинский отряд, заметно сократив шаг, тем не менее продолжал двигаться, но ратники подтягивались друг к другу, становясь по трое-четверо в ряд. Всадники тянулись и тянулись из леса на речной лед, стаптывая снег, и уже к середине колонны по всему руслу от берега до берега он лежал уже не по колено, а от силы по щиколотку.

Нислав, несколько раз отъезжая от опричника и пристраиваясь обратно смог-таки встать рядом с барином так, как надо: по левую руку, и на полкорпуса

лошади позади. Теперь все выглядело так, словно командующий армией со своим заместителем принимали парад. Впрочем, примерно так все и происходило: государев человек, посланный следить за порядком в землях Северной Пустоши и оборонять рубежи от недруга проверял исправность конного и воинского вооружения поднятых в ополчение помещиков, за наличием у них полного доспеха, за снаряженными колчанами, статью жеребцов.

Правда, не смотря на суровый внимательный взгляд, мысли государева человека Семена Прокофьевича Зализы были сейчас довольно далеко, и беспокоила его отнюдь не исправность оружия и соответствие воинства сотным грамотам. Он вспоминал про тревожную весть, пришедшую сразу двумя путями: от помилованного царем боярина Волошина и через присланного Андреем Толбузиным гонца.

Государь болен. Бояре сыну его присягать не желают, ищут царя меж собой, а некоторые и на Литву смотрят. Смута грядет, новая смута. Буде беда на рубежах случится – помощи из Москвы ждать пустое, а то и самому придется войско на столицу вести, волю Ивана Васильевича исполнять. Опять смута, опять притихшие было бояре, государеву длань на своих загривках ощутив, возле одра темной немочи воду мутить начинают. Потребно ополчение поместное подальше в леса увести, пока к боярам гонцы не зачастили и грамоты подметные по усадьбам не замелькали.

Ох, Русь Святая, за что Господь так часто испытания на долю твою насылает… Зализа машинально перекрестился и нервно вздрогнул, увидев очередного появившегося из леса конника. Если до этого больше четырех сотен ратников прошли пусть и не одинаковых доспехах, но хоть при полном воинском наборе, то сейчас на лед выезжали непонятно кто.

Прежде всего, из оружия они имели только дедовские широкие тяжелые мечи, а то и вовсе подзабытые на Руси боевые топоры. Доспехи самые разные и неожиданные, начиная от просто куяков и заканчивая кирасами наподобие рыцарских. Одеты всадники были в старые потертые тулупы и шубы, на лошадях держались неумело и даже с изрядным страхом. Кроме того, русские воины испокон веков выходили в походы на двух конях, а если путь ожидался неблизкий – то на трех, а то и на четырех. А здесь каждый ратник сидел на одной кобылке.

Опричник невольно поморщился, вспомнив, что именно эти разношерстные бродяги являлись сейчас его основной надеждой. Этих странных иноземцев, невесть откуда взявшихся на берегах Невы, он на свой страх и риск посадил на пожалованные государем земли. Они не имели ни друзей, ни родичей ни здесь, ни в Москве, могли рассчитывать только на его милость, а стало быть – только на них он мог положиться в полной мере, не ожидая предательства.

Одно хорошо – самый дохленький из иноземцев ростом превосходил его на голову, а некоторые – на все четыре. Да и в стычке со свенами на березовом россохе воинами они показали себя отважными, от ворога не бежали, дрались за русскую землю, как за свою.

Зализа удовлетворенно кивнул, увидев у исполченных иноземцев четыре пищали, но когда бок о бок проехали две бабы – не выдержал, сморщился и отвернулся.

– Ну как, Семен, куда дальше пойдем? – из строя обычных, бородатых и ружных ратников выехал всадник в кольчуге с зерцалами, и в островерхом шлеме, из-под которого выбивались наружу рыжие вихры.

– До Раглиц дойдем, за ними станом расположимся, – тронул пятками коня опричник. – К утру туда вестник ерошинский воротиться должен. Сообщить, что на Пагубе все спокойно.

– А там спокойно? – рыжий голубоглазый ратник пристроился сбоку от воеводы исполченной рати.

– Надеюсь, – пожал плечами Семен, и переменил тему разговора: – Ну и как тебе, Феня, в боярской шкуре?

– Ништо, – широко улыбнулся тот, – все едино.

Всего три года назад все они – Зализа, Феофан Старостин, Василий Дворкин уходили черносотенцами под Казань. Могли ли они тогда даже в мыслях помечтать, что один станет государевым человеком и своей властью наградит двух других землей, возводя тем самым в боярское звание? Сейчас бывший «черный человек», сын кожевенника, а ныне боярский сын Василий Дворкин ушел в засеку рубежи вблизи Невской губы доглядывать, а служилый боярин

Феофан должен был не только по призыву явиться при двух конях в броне и с оружием, но и с отведенных ему на кормление шестисот чатей земли еще пятерых ратников выставить.

Пожалуй, на Феню Зализа тоже мог положиться, а значит к трем десяткам иноземцев стоило смело присовокупить и его конников. Получалась почти полусотня заведомо верных людей супротив четырех сотен сомнительных помещиков. Но ведь и они не могли все как один личной вольницы пожелать ценой уничтожения своей отчины? Должны – пусть не все, но должны хоть кто-то ради Святой Руси меч свой поднять, живота своего за государя не пожалеть! А значит – не бросят его одного, встанут плечом к плечу, поддержат.

– А раз все едино, – повеселел от последних раздумий опричник, – может назад в кожевенную слободу подашься?

– Нет, не подамся, – совершенно серьезно покачал головой боярский сын Старостин, – мне ноне седло под задницей привычнее стало, чем на верстаке. А сабля привычней стаместки. Лучше на ночь в караул пойду, а то бояре исполченные от службы поотвыкли, могут чего и не заметить.

– Это хорошо, – кивнул Зализа. – Тогда бери своих смердов и скачи вперед. Выбери место для стана, да с проезжими купцами, коли встретишь, поговори моим именем. Если жалобы есть, али челобитные, прими.

– И-и, ех! – Старостин тряхнул поводьями и его жеребец, уже третий год ходящий под боярином, угадав желание всадника, сразу перешел на широкую рысь. – Сидор, Третьяк, Путислав… А ну, все за мной!

От отряда отделилось еще пятеро воинов и стали обходить остальную рать. Опричник тоже пустил своего коня в галоп и вскоре вместе с Ниславом вернулся во главу отряда.

Пока все шло, как задумывалось. Переночует ополчение за Раглицами, потом еще два дня пути по оживленной Луге, а там повернет войско за Бор, на Пагубу – и ни один гонец никакого боярина в тамошних глухих местах уже не найдет. Так что, не допустит он смуты в Северной Пустоши. Не мытьем, так катаньем, а крамолу помещикам в головы не пропустит.

Головной отряд рыцарской конницы ушел вперед довольно далеко, но обоз как раз проезжал пологую излучину реки и со своих саней Прослав просматривал воинскую колонну на всю длину. Увидел он и появившейся на следующей излучине маленький отряд из трех всадников и трех лошадей, чьи силуэты отлично пропечатывались на фоне высокого заснеженного обрыва.

Русичи сразу поворотили коней и кинулись наутек – но вдруг один из них остановился, опустил копье и ринулся в самоубийственную атаку на более чем тысячную ливонскую армию. От головного отряда крестоносцев отделился рыцарь, который помчался навстречу.

Тяжелые кони молотили речной лед с такой силой, что дробное эхо отдавалось далеко во все стороны, и на миг серву показалось – всадники скачут не вдалеке, а прямо под ним, с обратной стороны толстой ледяной корки. Прослав поднялся в санях, спрыгнул на снег и прошел вперед, взял кобылку под уздцы, сам внимательно вглядывался в разгорающуюся схватку.

Два закованных в железо человека мчались навстречу друг другу все быстрее, быстрее, быстрее… Столкнулись! Промелькнули над головами копья, взметнулись в воздух тонкие лошадиные ноги, покатились по льду, словно кули с зерном, человеческие тела.

Серв испуганно перекрестился и погладил Храпку по теплой морде. Но нет, русич встал, побрел к мелко трепыхающемуся рыцарю.

Прослав повернул лицо к кобылке и, пряча довольную усмешку, поцеловал ее между глаз, ковырнул наросшую в ноздре сосульку и только тут спохватился, что обоз стоит. Он отбежал к саням, подхватил попону, тщательно укрыл свою разгоряченную кормилицу. Опять посмотрел вперед.

Там на одинокого пешего ратника неслось с копьями наперевес сразу три крестоносца. Еще один, далеко огибая опасного врага, возвращался к отряду, роняя с обвисшей руки крупные, заметные даже на таком расстоянии капли крови. Двое других русичей мчались своему соратнику на подмогу, но явно не поспевали.

Серв опять перекрестился, отвернулся. Сходил до саней, сгреб охапку сена, поднес лошади. Не удержался и снова поворотил голову.

Из русских в живых остался уже только один. За его спиной бродило три лошади с опустевшими седлами, а навстречу мчался еще один крестоносец. Прослав закрыл глаза. Он отлично понимал, что не имеющего даже пики ратника сейчас убьют, и не хотел этого видеть.

В памяти всплыло далекое воспоминание о том, как совсем молодым, еще неженатым парнем на лесной дороге, ведущей от Дерпта в Сапиместку он еще с пятью такими же рабами неожиданно встретил одинокого крестоносца. Наверное, все обошлось бы как всегда: они, скинув шапки, склонились бы в поклоне, закованный в железо немецкий дворянин проследовал бы мимо. Но лошадь споткнулась, захромала. Рыцарь начал что-то кричать, зачем-то схватился за меч. И тогда они, сделав вид, что хотят помочь, сбили его с седла и отволокли в лес. А там развели костер, и сначала просто жарили на нем парное мясо заколотого коня, с удовольствием слушая крики беспомощного ордынца, а наевшись, прямо в доспехах кинули его в огонь, призывая, по древнему обычаю, богов Перкуно, Потримпо и Патолло, и спев в их честь песню утренней звезды. При таком жертвоприношении полагалось еще играть на флейте – но флейты у них с собой не было.

Потом они довольно долго боялись, что крестоносца начнут искать – но древним бога жертва, видать, пришлась по душе и они отвели мысли проклятых рыцарей от поисков своего собрата.

Поблизости кто-то громко восхищенно выругался – раб кавалера Хангана не выдержал и опять открыл глаза. Стянул кожаную шапочку с длинными ушами и отер лицо: да, конечно, русский погиб – но и крестоносца в седле тоже не осталось. Серв ободряюще похлопал неторопливо пережевывающую сено Храпку по шее и, не в силах побороть любопытства, пошел вперед.

А там действительно было на что посмотреть. Брезгливо обходя распластавшихся на снегу русских бородачей, кнехты сносили в сторонку и укладывали бок о бок погибших рыцарей. Получалось, что русский дозор в короткой стычке убил двух крестоносцев и одного ливонца. Неподалеку стонал подданный дерптского епископа барон Аугуст де Толли, хорошо знакомый Прославу – дворянин часто приезжал в Кокаверский монастырь. Ему, обрезав кирасу и наплечье, старательно заматывал руку через плечо его оруженосец,

щедро подсовывая под тряпку светлый болотный мох. Еще двое рыцарей скрипели зубами, дожидаясь мгновения, когда доспехи снимут и с них. У одного на левом плече от удара тяжелого русского кистеня осталась вмятина, в которую мог бы поместиться кулак взрослого мужчины, у другого такая же вмятина красовалась на правом боку. Единственное, что могло утешить благородных дворян – они, в отличие от барона де Толли, не потеряли ни капли крови.

Громче всех ругался, как ни странно, не кто-то из раненых, а командующий армией сын великого магистра Готарда Кетлера рыцарь Иван. Поначалу выдержанный, уравновешенный и хладнокровный он, по мере развития кампании, все чаще и чаще срывался и начинал повышать голос.

– Успокойтесь, сын мой, – звучно остановил его дерптский епископ. – Зато мы не позволили известию о нашем появлении уйти из этих лесов. Расплата язычников еще впереди.

Кавалер Иван и вправду перестал ругаться и тяжело вздохнул:

– Тут вы правы, господин епископ. Уничтожив русский дозор, мы лишили разведчиков возможности передать своим вождям предупреждение о подходе вражеской армии. К тому же, мы получили еще шесть великолепных боевых коней. Но платить двумя рыцарями за каждого уничтоженного язычника! Это слишком высокая цена…

Крестоносец поморщился, отвернулся от собеседника и взгляд его упал на серва. Прослав моментально склонился в низком поклоне и стал тихонько отступать в сторону. Больше всего он боялся, что командующий сейчас прикажет ему забрать раненых или убитых, и везти в Сапиместку. Это означало, что поход для раба и его лошади окончится навсегда – а воевать Прославу с каждым днем нравилось все больше и больше.

Это раньше, будучи мальчишкой, он все время боялся, что кавалер Ханган загребет его с собою в поход и где-нибудь в Литве такие же братья-славяне изрубят его на куски, истыкают копьями, расстреляют из луков и арбалетов, и останется он гнить в какой-нибудь выгребной яме неизвестного ему города. Однако сейчас его мнение о военном деле изменилось совсем в другую сторону.

За тот месяц, что серв провел при осадившей Гдов литовской армии, он раза три съездил в Сапиместку, отвозя туда раненых, и доставляя назад мороженное мясо, гусей, ядра и кули с порохом для бомбард. За это время он дважды заезжал домой, каждый раз прихватывая по утаенной свиной полти, заполучил настоящий золотой, так же отданный жене, сам каждый день от пуза отъедался мясом и гусятиной, а его Храпка едва ли не впервые в своей жизни ела зерно чаще, чем сено. Кобылка заметно округлилась и повеселела – тем более, что и работой ее в походе сильно не утруждали.

Что же касается убитых – то их серв видел только раз, когда ринувшиеся в проломленную стену Гдова ландскнехты неудачно угодили под залп русских пищалей. Раненые были, это точно. Но пока он вез их в монастырь, сокрушались они куда больше не о боли, а о том, что делить новую добычу товарищи станут без них, да тому, что полученные за поход дублоны уже пропиты и проедены, а новых теперь не дадут.

И чем дальше, тем больше думал Прослав о том, что зимой по хозяйству хлопот совсем немного; что дома ничего, кроме понуканий и работы от замкового начетника его не ждет. А здесь, на войне, он и лошадку до весны хорошо откормит, сам досыта поест да отдохнет, и для дома чего-нибудь наверняка затихарить сможет.

Нет, возвращаться назад серв никак не хотел. Он собирался победить вместе со всеми. Пусть даже волею Господа он оказался на стороне Богом проклятого Ливонского Ордена, а не против него.

Отступив шагов на пятьдесят, Прослав выпрямился, напялил поверх взлохмаченных волос собачий колпак и, поминутно ожидая оклика, направился к своим саням. Увидел свой груз и окончательно успокоился – нет, его из армии не отошлют. При отходе от русской деревни с земляными, залитыми льдом стенами немецкие стрелки кинули к нему за спину примотанную стальной проволокой к толстой доске кургузую бомбарду, несколько кулей пороха и десяток ядер. Не станут же они все это перегружать, чтобы уложить раненых?

Впрочем, мысли командующего армией были куда разумнее пустых опасений простого ливонского раба. Кавалер Иван помнил, что захватить оседлавшую реку деревушку ему так и не удалось, а значит любой отправленный в тыл транспорт – хоть пустые сани, хоть маленький обоз с павшими и тяжелоранеными – будут перехвачены и уничтожены. Вот как откликается

нарушение элементарного правила ведения военной компании: не оставлять за спиной вражеских крепостей!

Однако упрямый дерптский епископ не желал признавать никаких правил и законов, и гнал, гнал армию Ливонского Ордена вперед, к Новгороду. А ну, как окажется, что заговор раскрыт, и ливонцев не пропустят в стены древнего города, что тогда? Окрестные деревни и посады армия, конечно, разорит. Но как потом возвращаться с ранеными и добычей по оставшейся непокоренной земле?

Больше всего получившему отличное образование сыну великого магистра хотелось взять священника под стражу, и держать где-нибудь в отдалении, а самому неспешно и правильно провести кампанию от начала и до полной победы, но… Но из идущей сейчас по реке тысячной армии четыре сотни составляли именно епископские, «монастырские» латники и рыцари, именно епископ выделил для похода две пищали и заплатил ландскнехтам, оставшимся осаждать упрямый Гдов. И вряд ли его вассалы так уж спокойно отнесутся к аресту своего господина и станут исполнять приказы орденского командующего. Приходится выбирать между общепринятыми законами ведения войны и численностью своей армии. Откажись он выполнять прихоти проклятого священника – тот сразу уведет половину войска.

Одно хорошо – после этой стычки он сможет посадить на коней еще шестерых ливонских рыцарей. Из числа тех, что начинали поход, переправившись через озеро на лодках, в надежде заполучить лошадей уже здесь, захватить их в богатых конюшнях Гдова и окрестных русских деревень.

– Как вы себя чувствуете, барон? – командующий армией заставил своего жеребца, изрыгающего из ноздрей клубы пара, подступить к Аугусту де Толли.

– На удивление неплохо, господин кавалер, – слегка улыбнулся ливонец. – Ничего не болит. Разве только усталость напала.

– Вы поедете верхом, или мне приказать освободить для вас повозку?

– Конечно, верхом! – возмутился дворянин. – Я пока еще не куль с просом!

– Рад вашей бодрости, – кивнул командующий и повернулся к раненым крестоносцам. – А вы, господа?

– Мы еще и ленц удержать сможем! – за двоих ответил Мартин де Бартельс, которому русский кистень сломал левую ключицу. Кирасу с него кнехты уже сняли, а руку подвязали к груди. Возможно, удержать копье дворянин действительно бы смог, но вот поводья – вряд ли.

– Хорошо, – сделал вывод сын Кетлера. – Тогда починку ваших доспехов мы оставим до вечера, а пока продолжим путь.

Он сделал знак трубачу, легонько тронул длинными шпорами бока своего коня. Над замерзшей рекой прокатился низкий переливчатый гул – похоже, от русских холодов замерзла даже музыка. Передовой отряд, полностью собранный из крестоносцев и их оруженосцев, двинулся дальше по реке.

Стоило всадникам миновать русичей, как оставленные уложить погибших рыцарей на сани кнехты тут же ринулись к погибшим врагам, сдергивая с них валенки, срывая ремни с оружием, шлемы, расхватывая теплые налатники.

Строй следующих за тяжелой конницей оружных сервов тоже рассыпался, все кинулись за своей частью добычи – и к тому времени, когда к месту схватки приблизился обоз, мертвецы лежали уже совершенно голыми. Оказавшийся невольным свидетелем этой сцены де Толли схватил оруженосца за руку. Самому ему в седло было не подняться, требовалась помощь – но при мысли о том, что эта грязная свора станет хватать его своими руками потомственному дворянину становилось и вовсе муторно.

– Пусть уходят, – махнул он здоровой рукой. – Грязные ландскнехты.

Четыре сотни грабителей обобрали трех павших воинов в считанные мгновения и отряд, снова собираясь в строй, побежал нагонять крестоносцев. Потянулся обоз. Первые повозки, груженные пищалями и ядрами, трогать никто не стал – и так слишком тяжелы. А вот сани, заваленный гусиными тушками кнехты остановили, раздвинули мороженную птицу к краям, а посередине положили барона фон Кетсельворда. Второму крестоносцу и ливонскому рыцарю пришлось разделить одну повозку с убоиной.

– Эй, раб! – окликнул серва баронский оруженосец. – Иди сюда!

Бронислав, оглянувшись на орудующих в его санях кнехтов, пошел на зов.

– Помоги господину подняться в седло.

Де Толли, как ливонцу, боевого коня не пригнали, предоставив обходиться трофейной рыбацкой лошадью. Единственное, к чему снизошли крестоносцы, помня древность рода, превышающую всю известную и неизвестную историю Германии, так это позволили выбрать скакуна первому.

Но, хотя рыбацкий жеребец явно имел где-то в прошлом породистые корни, да и сейчас оставался весьма крепок, под седлом ходить не привык и от всадника норовил отступить. Пришлось оруженосецу держал коня под уздцы, пока дворянин, ступив в стремя, пытался с помощью раба подняться наверх – но сил раненого и сноровки взятого в поход монастырского раба на это не хватало.

– Прослав, Харитон, помогите! – позвал в помощь соседей Бронислав.

Сервы неспешно выбрались из саней, благо обоз все равно стоял, а лошади отогревались под попонами, оставили поводья, подошли ближе, скинув с голов кожаные чепцы, низко поклонились:

– Чего желаете, господин барон?

– Вы меня знаете? – удивился дворянин.

– Из Сапиместки мы, – отважно высказался Харитон. – Вы к нам часто наезжаете.

– А, понятно, – кивнул де Толли. – Помогите в седло подняться.

Совместными усилиями дворянина удалось-таки поднять на спину жеребца. Он с облегчением ухватил поводья, собрал их в кулак.

– Зря вы, господин барон, – не удержавшись, покачал головой Бронислав. – Коли без доспеха в седло не сесть, так лучше и вовсе несколько дней полежать.

– Что бы де Толли в боевом походе в повозке отлеживались? – гордо вскинул подбородок рыцарь. – Да мои деды в гробу перевернутся! За последнюю тысячу

лет такого ни разу не случалось!

Прослав только головой покачал и зашагал к своим саням. Мертвых крестоносцев уже сложили вместе с мясом, причем три телячьих полти кнехты перекинули из саней Бронислава к нему. Серв спорить не стал, а лишь подумал, что не мешало бы забросать их сеном – авось забудут. Бомбардиры про мясо не думают, а кашевары про повозку с бомбардой тем более могут и не вспомнить. Он скинул попону с Храпки обратно в сани, на туши и тряхнул поводьями, одновременно помогая кобылке тронуться, потянув сани за полоз вперед:

– Н-но, пошла!

Лошадка на удивление легко сдвинула груз и Прослав с облегчением опрокинулся в повозку – на ходу не страшно.

Оруженосец барона тем временем вел жеребца рыцаря под уздцы, не обгоняя обоза, но и не отставая от него. Дворянин, оставшийся без тяжелой кирасы и без копья, тем не менее неустойчиво покачивался в седле, словно оказался в нем впервые в жизни.

– Не доедет никуда барон, – покачал головой серв. – Как есть не доедет. Хотя и гордый. Умрет, но ко мне не ляжет.

К Прославу, на свежее сено, между бомбардой, несколькими чугунными и тремя шматами заиндевевшей телятины барон Аугуст Курт Михаил де Толли действительно не попал. Его положили к Харитону, среди мешков с ячменем. Потому, как примерно через два часа пути он начал клониться вперед и в конце концов тяжело шмякнулся с седла вниз.

Сервы перепугались сильно, остановили сани и, забыв про лошадей, кинулись к дворянину, подняли на руки, отнесли на мешки, укрыли большущим овчинным тулупом, который рыбак взял ради трескучих зимних холодов, но пока обходился.

– Никак помер барон?

Оруженосец, на время забыв разницу в происхождении и положении своем, выхватил меч, поднес клинок к губам господина. Промороженная сталь подернулась легкой дымкой.

– Жив, – с облегчением кивнул воин и размашисто перекрестился. – Видать, кровь все еще сочится, вот и слабеет. Коли сегодня не спечется, к утру преставится. А перестанет истекать – за неделю на ноги станет. Рана сама не страшная. Просто широкая.

Мнение де Толли более никто не спрашивал, поскольку у него не оставалось сил даже стонать, и весь свой дальнейший путь барон проделал на простых мужицких санях.

Скоротечная схватка задержала армию от силы на полчаса. С раненых сняли доспехи, перевязали, убитых сложили на повозки и воинская колонна двинулась в дальнейший путь. Хорошо промерзшая Пагуба, лед которой звонко откликался на удары шипастых подков тяжелых рыцарских коней, еще несколько миль шла прямо на север, а затем круто повернула и повела захватчиков прямо на восток, в глубину русских земель.

Еще несколько часов пути по берегам реки стояли высокие деревья, но постепенно они стали мельчать, раздвигаться в стороны, уступая свое место коричневым колосистым камышам. Вскоре горизонт и вовсе очистился. Лишь отдельные темные рощицы тут и там поднимались над широкими заснеженными полями, да частые густые камышовые заросли указывали на то, что вокруг лежат не ушедшие на зимний отдых пашни, а бездонные, непроходимые большую часть года топи.

Молодой командующий быстро понял: армия рискует остаться на ночь наедине с холодом и объявил привал задолго до заката – как только войско поравнялось с небольшим лесистым островком. Кнехты тут же принялись за дело, срезая охапки камыша, раскладывая его толстым слоем по льду, расставляя поверх островерхие белые шатры. Простым сервам, призванным к оружию по воле своего господина, подобных удобств не полагалось, но они имели полное право зарыться в хрусткие коричневые стебли хоть с головой и норовили приготовить себе постель помягче и погуще. На островке застучали топоры: большой армии требовалось много дров. Сухостоя на всех не хватало но если костер разгорится, то на него можно бросать и сырой лес. Пламя подымит, потрещит, поругается на своем огненном языке – но сожрет все.

Соседи по деревне – Прослав, Бронислав и Харитон, воспользовавшись ситуацией, порубали себе в котел сразу двух жирных гусаков. Возмутившемуся было пожилому кнехту, отвечавшему за припасы, указали на необходимость отпаивать раненого барона горячим густым бульоном, и тот отмахнулся – делайте, что хотите. Оруженосец родовитого ливонца долго маялся, не зная, куда податься: оставаться в одной компании с рабами ему не позволяло благородное происхождение, но и бросить господина и уйти к остальным дворянам он не мог. Преданность победила, он остался – хотя и ходил поблизости, гордо вскинув подбородок и даже пытался отдавать какие-то распоряжения.

Паренек лет шестнадцати, скорее всего, являлся кем-то из дальних родственников, отданных, по древнему обычаю, барону на воспитание. Очень может быть, что для недавнего пажа это был первый поход. Из доспехов он имел только разукрашенную золотыми завитками выпуклую кирасу, новенький «рачий хвост» и прямой меч на широкой кожаной перевязи. Он никак не ожидал чуть не сразу остаться без господина и сейчас толком не знал, что делать: прочие рыцари и в мыслях не имели что-то советовать, а уж тем более – приказывать чужому вассалу. Потому и пытался юный дворянин с дрожью в звонком голосе заставить обозных людишек выполнять свою волю – чтобы убедиться в готовности рабов выполнять призы исходящие от него, а не от господина барона. Сервы де Толли, хотя и кивали, скидывали шапки и приговаривали:

– Слушаюсь, господин, – тем не менее преспокойно продолжали заниматься своим делом.

Однако постепенно все образовалось: пришедшие из общей колонны баронские кнехты привычно поставили шатер, поднесли камыш, дрова. Запылали костры, распространяя вокруг себя волны тепла. Один из воинов, почтительно поклонившись, поднес пажу большую деревянную миску с горячим варевом.

– Господина барона нужно перенести в шатер, – в последний раз попытался отдать хоть какое-то распоряжение юный дворянин.

– Его сапиместкие сервы горячим бульоном отпаивают, господин, – мягко ушел от прямого отказа воин. – Он у них в меховые тулупы завернут, на мягком сене лежит…

– Ладно, не тревожьте больного, – отмахнулся оруженосец, понимая, что его опять не послушаются. – Пусть отдыхает.

Он уже предвкушал, как сейчас по телу растечется горячее тепло от еды и горящих вокруг палатки костров, а воздух внутри самого парусинового шатра станет по-летнему жарким. И тогда он сможет уйти внутрь и лечь спать с поистине королевскими удобствами.

«Распорядиться нужно, чтобы дежурных у костров оставили, – подумал он, но потом махнул рукой. – Сами догадаются».

Неподалеку весело ржали лошади. Распряженные, расседланные, облегченные от доспехов скакуны, отогнанные в сторону от лагеря – чтобы куч своих людям под ноги не рассыпали, сейчас жизнерадостно кувыркались в снегу, дрыгая в воздухе тонкими длинными ногами, наскакивали друг на друга грудью. Впрочем, некоторые уже успели набаловаться и теперь стояли парами, положив морды на круп друг другу.

Примерно так же вела себя и почти тысяча коней, резвящихся на льду Луги в шестидесяти верстах от ливонского лагеря. Шестидесяти: это по прямой. А если следовать хитрым изгибам двух превратившихся в зимние дороги рек – то получалось и все сто двадцать, если не больше.

Зализа довел свой отряд до Раголиц – накатанной за многие века дороге от приморских селений и портов к Новагороду, спустился еще на несколько верст, до облюбованного боярским сыном Старостиным обширного наволока и скомандовал привал. Бояре расседлали коней, отпустив их на отдых под присмотром двух десятков воинов, а сами стали обустраивать лагерь: рубить лапник, подтаскивать бревна сухостоя, разводить огонь.

Иноземцы, быстро поднявшие над еловой подстилкой яркие разноцветные купола вызвали всеобщее веселье – уж больно забавно выглядели домики из китайского шелка высотой от силы по пояс взрослого человека.

– Эй, сарацины, – не выдержал один бояр, ополчение которого подошло в Замежье позже остальных. – Вы, говорят, и избы такой высоты ставите? А коней научили ползком в стойла забираться?

Молод, стар ли насмешник, угадать с виду было невозможно, потому, как оторачивающий шлем мех чернобурки закрывал лицо чуть не до глаз, снизу поблескивали изморозью окладистая бородка и густые усы, и на всеобщее обозрение выставлялись только озорные глаза, да раскрасневшийся, как чисто вымытая редисина, нос.

– Ты внутрь загляни, – миролюбиво предложил Костя Росин. – Там же тепло, как в избе, стоит пять минут подышать.

Надо сказать, что члены клуба «Черный Шатун», провалившиеся в шестнадцатый век в середине лета, до зимы особо разбогатеть не успели, а потому, спасаясь от мороза, кутались кто во что горазд: кое-кто сплел лапти, под которые намотал кучу всякого тряпья, кто-то точно так же приспособил поверх кроссовок поршни. Кто-то догадался набить в штаны обрезки шкур, из-за чего они надулись, как галифе и выпирали множеством углов. Поверх доспехов и летних курток были накинуты старые, никому не нужные волчьи, лисьи и медвежьи тулупы, овчинные душегрейки. Одним словом, сам вид пришельцев из далекого двадцатого века веселил всех окружающих, а заскучавшим за время перехода боярам был нужен как раз не разумный аргумент, а повод для насмешки. Потому-то почти сразу с другой стороны послышался не менее ехидный голос:

– Эй, сарацины, правду говорят, вы в поход баб берете, чтобы за спины их прятаться?

– Да как ты…

Но рык Юры Симоненко, поднявшегося от раздуваемого костра во весь свой двухметровый рост легко перекрыл звонкий девичий голосок:

– А хочешь, я с полсотни шагов с завязанными глазами в кончик носа тебе попаду? – предложила Юля, и перекинул из-за спины колчан.

В отличие от большинства одноклубников, она не поленилась за несколько вечеров сшить себе из подаренных окрестными боярами «сарацинам» старых тулупов и шуб меховой костюмчик из штанов на лисьем меху и короткой куртки такого же меха. Овчинная островерхая шапка была подарена такой, как есть, да

еще Юле, одной из немногих, оказались впору чужие стоптанные валенки. Так что, бывший член сборной Союза по стрельбе из лука выглядела заметно лучше своих товарищей.

– А коли промахнешься? – уже менее бодро поинтересовался боярин, не решаясь отступать перед угрозами обычной девки.

– Если промажу, любое твое желание выполню, – пообещала Юля вытягивая лук и накладывая на тетиву свою, привезенную еще из дома стрелу.

– У меня много желаний, – многозначительно предупредил воин.

– А то теперь не важно, – плотоядно улыбнулась Юленька. – Мне глаза кто-нибудь завяжет?

– Нет, это неправильно, – неожиданно встрял в разговор паренек в надетом поверх полушубка просторном колонтаре. – Как можно девицу позорить, если она из лука хуже других стреляет?

Юля презрительно прищурилась в сторону молодого воина, что в Замежье как-то подвозил пущенную в березу стрелу, но боярина уже поддержали другие помещики, вовсе не желавшие смертоубийства:

– Правильно новик латынинский говорит! Девиц позорить нам не с руки! Пусть другую меру назначат!

– Коли девка хуже меня стреляет, – предложил боярин, едва не поплатившийся простреленным носом за длинный язык. – Пусть весь поход при моем костре кошеварит, и место для ночлега застилает!

– Е-ес! – встрепенулась Юля. – А если я лучше, пусть он для меня весь поход жратву готовит! А постель, хрен с ней, сама разложу.

Уговор был поддержан множеством одобрительных выкриков. Теперь, вроде, ни о смертоубийстве, ни о позоре речи не шло – но один стрелок, попавшийся в кашевары другому, обещал стать хорошей темой для будущего веселья, кто бы ни оказался проигравшем.

– Куда стрелять станем? – расчехлил налучье боярин.

– А вон сосна с раздвоенной макушкой на другом берегу, – указала спортсменка. – Вот в развилку метить и станем.

Среди бояр прошел восхищенный гул. Луга вместе с наволоками – заливными лугами, не зарастающими лесом, составляла в ширину никак не меньше двухсот прямых саженей или шести сотен шагов.

– Ты до нее хоть дострелишь? – криво усмехнулся боярин. – И запомни, кашу я люблю разваристую, но без воды. А в убоине костей быть не должно, но хрящи мне нравятся.

– Стреляй, или рыбу чистить отправлю, – посоветовала девушка.

Боярин отбросил бобровый налатник, тряхнул правой рукой, как бы расслабляя ее. Тихо зазвенела двойного плетения кольчуга на коротком рукаве. Наруча воин не носил – лишняя тяжесть, коли долго саблей махать. Меньше устанешь – дольше проживешь. Неожиданно скинув шапку, он подставил морозному воздуху рыжеватые кудри и мгновенно помолодел. Пока на виду оставалась только не очень густая, длинная с проседью борода, да жесткие усы, бледные бесцветные глаза, да кончик носа, боярин выглядел лет за сорок, но теперь больше двадцати пяти он никак не тянул.

Перекинув колчан со стрелами через правое плечо, он взял лук в левую руку, поднес его к груди, внимательно вглядываясь в далекую мишень. Очень медленно опустил правую руку в колчан, плавно извлекая оттуда стрелу, накладывая на тетиву. Снова на мгновение замер, а потом резко вытянул левую руку вперед. Когда она ушла вперед на всю длину, а лук согнулся в крутую дугу, пальцы правой руки разжались, и моментально скользнули вниз, в колчан, выдергивая следующее древко. Рука как раз успела вернуть лук к груди, и заранее выточенный паз лег точно на тетиву.

Вторая и третья стрела успели устремиться к цели еще до того, как первая впилась в разрисованную снежными узорами кору, а за ними умчались четвертая и пятая. Мужчины отряда, столпившиеся у него за спиной одобрительно взвыли.

– Вот так, – кивнул боярин, заканчивая демонстрацию мастерства коротким выдохом. Из пяти стрел две вошли в ствол в оба отростка над развилкой, одна впилась заметно ниже цели, а две исчезли в темном лесу. – И сыто мне разводи погуще! Коли захочу воды похлебать, так и скажу.

Воину было чем гордиться: на расстоянии, в общем-то запредельном для точного выстрела, он вогнал в цель три стрелы из пяти. Ввпрочем, неудивительно – выросший в семье потомственных служилых людей, он уже в три года пытался таскать по избе отцовский кинжал, подражая баловству старших братьев с саблями, в пять был посажен в самое настоящее седло и впервые попытался выстрелить из боевого лука. В десять – достаточно уверено отбивался от взрослых противников, а в шестнадцать – ушел на Литву в свой первый военный поход. И если он смог попасть в цель всего три раза – добросит ли вообще до нее стрелу тощая иноземная девка?

Но боярин даже не подозревал, с какой садисткой жестокостью будут готовить олимпийский резерв в спортивных школах наползающего из далекого будущего Советского Союза. Засунув в обширный карманы на животе грубо сшитые – терпения не хватило – рукавицы, Юля натянула куцые спортивные перчатки: всего два пальца одеты в кожу на правой, и вовсе один – на левой руке. Затем вскинула легкий угольно-черный лук, попробовала пальцами капроновую тетиву. Улыбнулась, опустила колчан на землю выбрав из него белоснежную стрелу из березы с острым граненым наконечником, встала в позицию, широко расставив ноги.

Несколько минут она выжидала, следя за вьющимися над рекой снежинками, принюхиваясь к воздуху и зачем-то высунув язык. Потом легким движением натянула оружие, на несколько мгновений замерла…

Тын-н-нь – тетива пластикового лука не звякнула звонко, как боярская, а низко, басовито запела, а сам лук медленно качнулся вперед, словно не был зажат в руке, а крепился к ней на шарнире. Под самой развилкой, взявшись словно ниоткуда, выросла новая длинная оперенная ветвь.

Юля наклонилась, достала следующую стрелу, натянула лук.

Тын-н-нь – стрела впилась в сосну на расстоянии пары ладоней от предыдущей. Третья – вонзилась чуть ниже, четвертая и пятая – по сторонам от первой.

– Вот так, – укоризненно сказал кто-то в повисшей тишине. – А ты в ста шагах в зайца попасть не можешь.

Мужчины громко, с облегчением, захохотали.

– Это неправильно, – густо покраснел боярин. – Она по одной пускала, а я все дружно!

– Давай, – независимо пожала плечами Юля, аккуратно убирая лук. – Только не забывай: рыбу нужно начинать чистить с хвоста. Судака желательно сперва взять за хвост и голову и хорошенько дернуть в разные стороны. А окуня обварить кипятком.

Боярин что-то тихо неразборчиво пробурчал, кинул колчан на снег, оставив в руках только одну стрелу, начал целиться.

– И потрошить ее надоть, – внезапно вспомнили чуть в стороне.

Воины снова развеселились. Лучник на несколько мгновений закрыл глаза, открыл и отпустил тетиву. Стрела впилась в ствол. Он облегченно перевел дух, взялся за следующую. Есть! Она вошла прямо в середину выращенного девушкой пучка! Но уже третья выпущенная им стрела мелькнула в развилке и умчалась куда-то в глубину леса. Боярин безнадежно махнул рукой – пропал последний довод в оправдание поражения.

Теперь, поддавшись азарту, русичи чуть не все взялись за саадаки, и устроили сосне форменный расстрел. Однако, к стыду своему, большинство было вынуждено признать, что вступивший в соревнование боярин владеет этим искусством куда в большей степени, чем они.

Зализа в общем веселили участия не принимал, усевшись посреди медвежьей шкуры, кинутой поверх толстого слоя лапника и задумчиво поигрывая маленьким ножичком. Немного позади, явно подражая опричнику, сидел, положив на колени бердыш, Нислав. Разве только лапнику под ним было поменьше, да вместо шкуры выручал от холода довольно поношенный медвежий тулуп.

Впрочем, бывший милиционер вел так себя явно не специально. Просто несколько лет службы в патрульно-постовой службе приучили его выполнять порученное дело четко и до конца. Потому, что от этого иногда зависела жизнь совершенно посторонних людей, а время от времени – жизнь товарищей. И еще потому, что невыполнивший приказа мент моментально оказывается крайним в самых неожиданных неприятностях. Разумеется, в прежние времена он иногда позволял себе некоторые шалости вроде как покатать на казенной машине и потискать в темном проулке девок, надавать по шее зарвавшемуся пацану или вытряхнуть у пьяного из кармана явно ненужные тому деньги – но это только в моменты спокойного патрулирования без особых спущенных сверху приказов. Но если ему говорили: до утра смотреть в третье слева окно крайнего дома – он смотрел, каким бы идиотом сам себе при этом не казался.

Шестнадцатый век в этом деле никак не отличался от двадцатого. Тоже патрулирование, те же заморочки. Разве только теперь его отец-командир назывался государевым человеком и смотрел на мелкие «подработки» достаточно спокойно. Разумеется, пьяных с «лишними» деньгами тут не встречалось – царь-батюшка, говорят, позаботился о том, чтобы «пьяные» копейки прямым ходом утекали в казну. Но девки смотрели на патрульного даже с большим подобострастием и не раз ночевали с ним в ароматных стогах. Опричник не то что про «чистые руки» не говорил, но и мелкими подношениями запросто делился. Местные крестьяне иногда еще лично Ниславу то монету, то курицу подсовывали с просьбой жалобу свою барину подробнее пересказать.

Правда, хотя подарки Зализа временами и принимал, но в деле государевом еще ни разу интересов Руси не предал – что при проверке засеки, что при облаве на тропах или дорогах при известии о татях или лихих людях. Здесь опричник и на топоры не моргнув глазом шел, и на просьбы откупиться не поддавался. А лихим людям было за что мошну развязывать: просто подозрительных или под приметы попадающих они в Копорье, в допросную избу свозили, где дыба милиционеру одиножды на глаза попалась и очень не понравилась; ну, а если кто «с поличным» попадался, то ни о каких «КПЗ» и адвокатах разговору и вовсе не возникало… Петля, да сук покрепче – и все недога.

Нислав успел усвоить, что заменил рядом с Зализой целый отряд, ранее ходивший в засеку и патрулирующий окрестные земли – а потому, получалось, доходы получал сразу за всех. Так что, местом своим бывший милиционер дорожил, в полной мере перенес на него принципы прежней службы, да и инициативу порой пытался проявить. Как-никак, здесь и прибыль некоторая есть

– что при отсутствии оклада штука весьма приятная, и сам при деле. А коли добавить, что сеять-пахать он отродясь не умел, кроме школы, срочной службы и школы милиции ничего не изучал – то потерять свое место только потому, что окликнувший его опричник вдруг не обнаружит штатного телохранителя за спиной Нислав очень не хотел. Так что на творящееся неподалеку веселье он внимания не обращал, а сам потихоньку зыркал глазами в стороны. Может все вокруг и спокойно – но по службе положено.

Пожалуй, теперь уже и вовсе не существовало более рядового патрульно-постовой службы Кировского РУВД Станислава Погожина, а был служилый человек, поднятый с земли на государеву службу местным опричником. И человек этот уже сам давно называл себя Ниславом.

– Есть будешь, Семен? – подошел Феофан и протянул крупный шмат запеченного над огнем мяса, положенного на длинный ломоть хлеба.

– А это откуда? – удивился Зализа, отвлекшись от своих раздумий.

– Так я вас, почитай, два часа ждал, – усмехнулся боярский сын Старостин. – Стрелять пока не разучился.

– Ну, спасибо, – взялся за угощение опричник, а Феофан перевел взгляд на бывшего милиционера.

– Нислав! А тебя Матрена, никак, решила больше не кормить? Чего не трапезничаешь?

– Готовить некогда, – поморщился милиционер, качнув бердышем.

– Может, тебя тоже на кошт взять? Моим смердам все равно, что на семерых, что на восьмерых варить. Только ты тодыть котомку-то развязывай. Делись, чем в общий котел войдешь.

– Да, – спохватился Зализа. – Там Алевтина тоже снарядила…

– Не, Семен, – вскинул руки Феофан. – С тобой разговор другой. Тебе я, теперича, вроде как сам оброк возить должен. А Нислава пусть Матрена снаряжает, коли в

примаки взяла.

– Хороший ты охотник, Фена, – кивнул опричник, прожевывая очередной кусок горячего мяса. – Жениться тебе надо.

– А жениться-то почему?

– Так, нравишься ты мне. Мне бы таких феофанчиков, – Зализа отмерил ладонью над землей немногим больше полусажени, – штучек пять при себе заиметь.

– Ах ты! – бывший черносотенец с места кинулся на своего друга, но опричник, даром что в юшмане и с мясом в руках, успел распластаться так, что боярский сын пролетел над ним, всего лишь сорвав налатник.

Нислав моментально вскочил, вскинув бердыш:

– Что происходит?

– Вот-вот, – довольный реакцией Феофана, кивнул Зализа. – Ты сперва человека моего накорми, а уже потом душегубство замышляй.

– Купцы едут, – скользнул взгляд поднявшегося на ноги боярина по реке. – Гости торговые.

Но если Феофан Старостин сообщил про показавшийся на реке санный обоз с известной долей безразличия, то Зализа недовольно поморщился. Про такую возможность он заранее не подумал, и предстоящая встреча с неведомым пока хозяином ему нравилась.

Даже в обычном селении проходящее мимо войско всегда вызывает беспокойство. Но им хоть сказать можно, что к Гдову выступаешь, далеко на запад и для здешних земель сия тревога безвредна. Однако купца этим не проймешь. Товар в обозах казны стоит немаленькой, стен каменных вокруг него нет. А потому гость торговый – тварь пугливая. Весть о близкой войне способна намертво перекрыть торговлю по реке на половину зимы. И виноватым окажется он, государев человек Семен Зализа со своими глупыми задумками.

Глава 2

Тихая река

Пока обоз подтягивался к воинскому лагерю, по быстро тонущей в сумерках реке, Зализа переместился со своего одинокого места к костру, на котором людишки Феофана уже закончили готовить. Смерды немного передвинули лапник и снова прикрыли шкурами. Теперь опричник мог, по крайней мере, пригласить нежданного гостя сесть погреться у огня, а не морозить его посреди поляны. Да и стемнело уже изрядно, а пляшущие языки огня давали хоть какой-то свет.

Бояре успели настреляться вдосталь, и теперь последние из них возвращались с того берега с собранными вокруг мишени и выдернутыми из ствола стрелами.

Парень в колонтаре, долго круживший вокруг Юли, наконец решился задать вопрос:

– Скажи, боярыня, а вправду амазонки себе правую грудь выжигают?

– А ты, никак, пощупать хочешь? – вскинула брови девушка.

– Нет, нет, – шарахнулся паренек.

– А зря, – хмыкнула Юля. – Ладно, иди сюда.

То ли их разговора никто не услышал, то ли все достаточно поразвлеклись, но никто над латынинским новиком насмехаться не стал. Он послушно приблизился к девушке, не сводя глаз с ее груди.

– Тебя как зовут?

– Глеб Латынин, Никитин сын.

– Ты куда смотришь, Глеб? Вот туда посмотри! – Юля указала на истыканную за вечер сосну. – Лук есть?

– Да.

– Стреляй.

Парень помялся, но спорить не стал. Вытащил из висящего на боку колчана лук, наложил стрелу, сосредоточился и рывком вытянул вперед левую руку. Звонко тренькнула тетива, а стрела мелькнула в чащу где-то далеко, далеко левее сосны.

– Ну и как, Глеб, сильно тебе отсутствие груди помогло?

– Ну, не все так…

– Ты куда смотришь? – Юля, тяжело вздохнув, кивнула. – Ладно. Попадешь с этого места в сосну, дам потрогать.

– Так… Темно уже…

– Ну, извини, – развела руками девушка и повернула в сторону своих товарищей.

– Боярыня!

– Ну, чего тебе еще?

– А вторая… Тоже стреляет?

– Нет, она поет.

Подойдя к выстроившимся полукругом палаткам, Юля нырнула в желтую, извернулась внутри и высунула голову в круглый входной клапан:

– Инга, что-то ты и вправду давно не пела.

– Холодно чего-то, – поежилась та.

Зима заставила-таки певицу расстаться с коротким красным платьем и переодеться в обычное местное одеяние с огромным количеством длинных юбок, душегрейку и тулуп. Правда, но голове ее вместо положенного платка плотно сидел малахай с пушистыми беличьими хвостами над висками. Зато небольшой размер ноги позволил Инге, как и лучнице, одеть местные валенки.

– Вот именно, – поежилась Юля. – Холодно, голодно, повыть охота. У-у-у.

– Ну так поешь, чего скулить-то? – не выдержал Росин. – Каша на всех сварена.

– Не-а. Меня тут и без вас один тип покормить должен, – она перевернулась на спину зажмурилась и негромко запела:

Шумел камы-ы-ыш, деревья гну-у-улись,

И ночка ту-у-умная была.

Одна возлу-у-у-убленная пара

Всю ночь гуляла до у-у-у-у-тра.

– Ты в ритм не попадаешь, – любезно сообщила певица.

– Ну и что? Зато громко, – и Юля продолжила:

Шумел камы-ы-ыш, деревья гну-у-улись,

И ночка ту-у-умная была.

Одна возлу-у-у-убленная пара

Всю ночь гуляла до у-у-у-у-тра.

– Поела бы ты, Юленька, – попросил Игорь Картышев.

– Если честный, сам принесет, – улыбнулась девушка:

Шумел камы-ы-ыш, деревья гну-у-улись,

И ночка ту-у-умная была.

Одна возлу-у-у-убленная пара

Всю ночь гуляла до у-у-у-у-тра.

– А поутру они вставали! – не выдержав глумления над музыкой, продолжила Инга. – Кругом примятая трава. Да не одна трава примята, помята молодость моя!

От природы могучий, да еще хорошо поставленный в училище имени Гнесина голос в вечерней тишине прозвучал так, что казалось, разверзлась небо и на воинский лагерь обрушился глас небесный, мелко задрожали сосны и закружился в морозном воздухе невесть откуда посыпавшийся снег.

– Класс, – удовлетворенно кивнула лучница. – Твоим голосом, Инга, горные породы дробить можно.

– Голос как голос, – обиженно пожала плечами певица. – Ни один нормальный профессионал, между прочим, в микрофон не поет. Нет еще в мира зала, который не перекрывал бы обычный человеческий голос.

– Сейчас – это точно, – с изрядной долей ехидства согласилась Юля. – О, и вправду идет!

Побежденный в соревновании боярин, смущенно приглаживая рыжие кудри левой рукой, в правой нес большой ломоть хлеба с разложенной на нем снедью – похоже, мелко нарубленным мясом. Ноздреватая хлебная мякоть пропиталась мясным соком почти насквозь, и издавала соблазнительный запах богатого застолья.

– Я, пожалуй, вылезу, – решилась Юля, сглотнув слюну.

– Вот, боярыня, – воин протянул ей угощение. – Готовить сегодня все равно уже темно.

– Ничего, поход длинный, – «утешила» его лучница и принялась за трапезу.

Правда, ела она не мясо с хлеба, как все воины, а хлеб вместе с мясом, чем опять смутила боярина – но тому отступать было некуда, и он, немного выждав, пригладил русую курчавую бороду, пощипал себя за усы и спросил:

– А муж-то твой кто?

– Муж, – чуть не подавилась лучница. – С чего ты взял, что я замужем?

– Так, – окончательно запутался боярин, – годов тебе, поди, уже двадцатый. В поход пошла. Не одна же?!

– Слыхала, Инга? – обрадовалась девушка. – Двадцатый, говорят, пошел. Бяда.

В двадцать лет она еще только бросила сборную, порвав с большим спортом раз и навсегда – но хвастаться этим эпизодом своей биографии отнюдь не собиралась.

– Так что мне по-твоему, боярин, в монастырь теперь идти?

Воин промолчал. По его мнению, именно так и следовало поступить честной девушке, которой родители до восемнадцати лет так и не нашли мужа. Если, конечно, она не хотела, чтобы вскоре о ней, как о всякой старой деве, начали расползаться дурные сплетни.

– Тебя звать-то как, кормилец?

– Варламом меня зовут, боярина Евдокима Батова сын.

– Вот и познакомились, – кивнула лучница. – Меня можешь просто Юлей звать, во мне боярской крови нет. Сам-то ты давно женат? Тоже, вроде, не мальчик?

– Рано мне еще, – покачал головой сын боярина Батова. – Не остепенился еще, двором своим еще не обзавелся.

– М-м! – возмутилась Юля набитым ртом, вскинула палец, торопливо дожевала, и только после этого выплеснула недовольство: – Мне, значит, в монастырь, а тебе

еще рано?!

– Так ведь мне, – не понял сравнения боярин, – мне еще поместье у государя заслужить надобно, али еще как добыть, дом, двор поставить, хозяйство завести. Это вы, бабы, на все готовое приходите. Вам потребно только дом под руку взять, да детей мужу рожать.

– А кормить? – с этими словами Юля снова вцепилась зубами в хлеб.

– Ну, следить, чтобы готовили хорошо, – у боярина оказался совсем другой взгляд на понятие «домохозяйки».

– Вообще, в этом что-то есть, – неожиданно согласилась спортсменка. – А то мучайся потом в общаге с дитятей и одной стипендией на троих.

– А-а… – боярин Варлам задумался над услышанной фразой, пытаясь уловить ее сокровенный смысл, а лучница доела предложенное угощение и отошла в сторону, вытерла руки о снег. Когда девушка вернулась, воин протянул ей кожаную флягу, спрятанную в шитый бисером мешочек. – Испей, пока теплое.

– Сладкое, – облизнула губы Юля, возвращая флягу. – Спасибо. И чехол красивый. Кто вышивал?

– Была… Знакомая, – сгреб бороду в горсть боярин. – Лихоманка забрала.

– Извини, – впервые за вечер смутилась сама спортсменка.

– Лет пять прошло… – тряхнул головой воин. – У меня просьба к тебе, боярыня Юлия. Не позорь ты меня, возьми другой откуп. К чему тебе мое кашеварство? Ни тебе поесть, ни мне покоя.

– А чего же мне тогда с тебя брать, стрелок? – развела руками лучница. – Это ты для меня сразу много желаний придумал. А мне что просить?

– Назначай, откуп боярыня, – твердо попросил сын боярина Батова. – На все согласен. Избавь…

– Ну, не знаю… – вздохнула Юля. – Ладно. Позорить тебя я и так не хотела. А откуп… Откуп потом придумаю. Согласен?

– Согласен, – с хорошо заметным облегчением кивнул воин и, снизив голос, спросил: – Скажи, боярыня, а как получается у подруги твоей так громко петь?

– Ага, – кивнула Юля, – как откуп разрешили, он сразу про подругу вспомнил!

– Не про нее спрашиваю, – замотал головой боярин Варлам. – Про голос.

– Голос у нее легальный, попрошу без намеков, – заявила спортсменка. – Господом даденый, отцом Никодимом благословленный. Поет она, и очень хорошо. Инга, спой пожалуйста!

– Не буду, – покачала головой девушка. – Холодно.

– Варлам, дай ей свою флягу. Там компотик еще горячий.

Воин вздрогнул – так вот, просто по имени, его называли только дома, в семье. Но вслух ничего не сказал, снял с пояса флягу, протянул Юлиной подруге. Та взяла, немного попила, вернула.

– Спасибо. Привкус медовый, приятный.

– Сыта, – кратко пояснил боярин.

– Спой, Инга.

– Не хочу. Настроения нет.

– Ты же певица, Инга! Ты всегда должна хотеть!

– Нет, – поморщилась та. – В другой раз.

– Ну ладно, – махнула рукой Юля. – Тогда я сама спою. Любишь песни, Варлам?

Боярин, улыбаясь в густую бороду, кивнул.

– Сейчас, – лучница закинула голову к темному ночному небу и старательно заскулила тоненьким голосом:

Ой, полным полна моя коробочка,

Есть и ситец и парча,

Пожалей, душа зазнобушка

С молодецкого плеча!

– Перестань, пожалуйста, – взмолилась певица. – Уши вянут, и слова все переврала.

– А как нужно?..

Зимний день короток. Сумерки неспешно сгущались над покрытой прочным ледяным панцирем рекой. Куда спешить? От тьмы не уйдешь, и она все равно завладеет всем: и реками, и лесами, и заснеженными полями, и огородившимися высокими стенами селениями. Разве только кострам ночь оставит в жертву небольшие светлые круги. Ей не жалко, все равно под ее властью – весь мир.

Зализа сидел у огня на медвежьей шкуре, по-турецки скрестив ноги, и продолжая поигрывать своим маленьким ножом, перебирая его между пальцами, перекидывая из руки в руку, отпуская и снова ловя, не давая долететь до земли. Пламя испарило изморозь с его бороды, согрело доспех и теперь красными отблесками играло на начищенных пластинах юшмана, придавая опричнику невероятно зловещий, кровожадный вид безжалостного монстра.

Подошедший с реки купец, невысокий, но широкоплечий – скорее всего благодаря богатой шубе из пушистой куницы – увидев воеводу, аж поежился и неожиданно низко поклонился, зажав в руке высокую нерпичью шапку:

– Здрав будь, боярин Семен Прокофьевич.

– И тебе здоровия желаю, гость дорогой, – кивнул Зализа. – Садись к огню, угостись, чем Бог послал, расскажи, кто таков, из каких земель, откуда и куда

путь держишь?

То, что купец знал его по имени, опричника не удивило. Коли по Луге дела свои торговые ведет – не может не знать.

– Нынче я из Персии, Семен Прокофьевич. Милостью государя нашего Ивана Васильевича, по Волге наши струги ходят ноне невозбранно до самого моря, и торговля стала ох как хороша, – вежливо, без особого подобострастия выразил свое благожелательное отношение к власти купец. – Привез по осени бумагу сарацинскую, доспехи и оружие кузнецов тамошних, а так же шелка невесомые. Хочу, пока зимний путь стал, лишний товар в Ганзу перепродать, а то летом туда ходить недосуг.

Купец засунул руку за ворот огромной шубы, способной вместить никак не меньше трех взрослых людей и извлек резную деревянную шкатулочку, открыл крышку и ловким отработанным движением выдернул оттуда невесомое шелковое покрывало. Покрывало раскрылось в воздухе и, паря над шкурами, стало неторопливо опускаться вниз. Таким же умелым жестом гость сдернул его к себе, не дав коснуться земли и опустил назад в шкатулку. Хлопнула, опустившись, крышка и купец, слегка склонив голову, протянул ее опричнику.

– Прими от меня скромный подарок, Семен Прокофьевич, не чини обиды. Я, Кондрат Логинов, сын Василия, много хорошего о тебе слышал.

– Ну, спасибо, гость дорогой, – принял подношение Зализа. – Стало быть, из Новагорода путь свой держишь?

– Из него самого, Семен Прокофьевич. Волхов, почитай, до самого дна опять промерз, ладьи на берегу весеннего солнца ждут. Вот, решил пока мелочной торговлей побаловаться. Двенадцать саней всего в обозе, да еще пара людишек на подхвате.

«Пара людишек на подхвате» почти наверняка означало двух доспешных всадников при оружии, а то еще и с рогатинами. Да и те, что на санях, наверняка тоже из бывалого люда: трусы за тридевять земель с товаром не ездят. И сразу возник у опричника вполне резонный вопрос: а сам-то торговец нигде по пути не поозоровал? Хотя, если с Новагорода идет, то плохого дела сотворить не мог – негде. Тут всего-то, почитай, полтора десятка верст, да и дорога накатанная.

Давно бы погоня по следу шла, дабы татя в допросной избе на дыбу подвесить.

– Что слышно в городе хорошего, Кондрат Васильевич?

– Мор черный наконец-то ушел. Почитай, несколько недель никто не кашляет. Построены две церкви, деревянная на Скудельницах во имя Жен Мироносиц и каменная на Печерском подворье во имя Одигитрии Богородицы.

– А плохих вестей до Новагорода не доходило?

– У низовских опять смута какая-то в Москве, сеча случилась недавно с литвинами. А так все спокойно…

Теперь о роду-племени торгового гостя можно было не спрашивать. «Низовские» – именно так новгородцы называли весь остальной мир. Все московские, киевские и владимирские смуты, войны, татарские набеги проходили у них под одним понятием: «у низовских опять смутно», и они запросто могли не заметить смены хозяина московского трона, или опустошительной эпидемии на всей остальной Руси. И хотя дед нынешнего Ивана Васильевича, Иван Васильевич по прозвищу Грозный привел полвека назад под стены Новагорода немалое войско, научив северян называть себя и своих потомков подданными Москвы, нет-нет, да и вспоминали в вольном городе былые времена.

Пожалуй, впервые в жизни опричника порадовало, а не покоробило чванство новгородца. Про болезнь государя они могли ничего и не знать – просто не обратить внимания – и дурных вестей по земле не разносили.

А поутру они вставали,

Кругом примятая трава.

Да не одна трава примята,

помята молодость моя!

Звонкий голос, разорвавший тишину совсем рядом, едва не оглушил собеседников. Купец от неожиданности пригнулся, да и Зализа, уже успевший познакомиться с голоском иноземной девицы, тоже вздрогнул.

– Что это? – ошарашено поинтересовался торговый гость.

– Девки балуются, – небрежно отмахнулся опричник. – Про купца Баженова к тебе, Кондрат Васильевич, вестей не доходило?

– Ну как же не доходило! – всплеснул руками гость. – Илья Анисимович немалую артель людей мастеровых с собою увел, скобяного товара скупил несчитанно, одних гвоздей два бочонка, да камни мельничные, да сало и жернова. Зерна еще взял полсотни кулев, и хряков много живьем. Сказывают, намедни еще уходить собирался.

– Странно, почто же я его не встретил? – удивился опричник.

– Может, разминулись? Может, он не ввечеру, а поутру отправился?

– Тогда могли и разминуться, – признал Зализа.

– Вы, Семен Прокофьевич, – осторожно поинтересовался купец, – вниз по Луге, смотрю, рать ведете?

– Ни к чему это, – покачал головой опричник. – Луга река спокойная, на ней отродясь ничего не случалось. Просто на смотр поместное ополчение собрал, благо место здесь удобное.

Торговый гость вежливо кивал, но в глазах его затаилось недоверие – незнамо ему, что ли, как смотры проводятся? Уходить ради этого в леса вовсе ни к чему.

– Я вблизи в круг встану, Семен Прокофьевич, – оставив при себе сомнения, испросился купец. – Рядом с ратью ночевать завсегда сподручнее.

Тут ночную темень опять разорвал девичий голос, заставив Кондрат Васильевича испуганно пригнуться и несколько раз перекреститься:

– Свят, свят…

Ой, полна, полна коробушка,

Есть и ситцы и парча.

Пожалей, моя зазнобушка,

Молодецкого плеча!

Похоже, Юле удалось-таки переломить упрямство певицы и заставить ее продемонстрировать свои возможности. Говорить что-либо теперь оказалось невозможно и Зализа выразил свое согласие простым кивком. Купец торопливо направился к саням.

Выди, выди в рожь высокую!

Там до ночки погожу,

А завижу черноокую —

Все товары разложу.

Чистый, звонкий и насыщенный голос перекрывал все звуки, раскатываясь на десятки верст в стороны, и далеко в Раглицах не успевший прикрыть сарай мужик удивленно поднял голову, не понимая, откуда доносится девичий голосок, а деревенские собаки откликнулись дружным лаем.

Утро началось со звонкой песни горна. На этот раз он нисколько не хрипел – похоже, отогрелся за ночь у костра. Кавалер Иван стремительно поднялся, передернул плечами, прикрытыми толстой шерстяной рубахой, перекрестился на стоящий в углу палатки складень. Легко выдохнул – изо рта вырвалось облачко пара. Холодно. Хотя, конечно – высокая жаровня за ночь выгорела полностью, а снаружи разводить костры близко к стенам палатки нельзя, загорятся.

Откинулся полог, внутрь устремились орденские сервы, знающие, что командующий армией всегда встает вместе с сигналом трубача. Следом вошел его оруженосец, Курт де Лекс, мальчишка из семьи бедного австрийского дворянина, рассчитывающий честной службой заслужить-таки право вступить в Орден.

– Ночью в лагере ничего не случилось, мой господин, – поклонился Курт.

«Хитры пути твои, Господи…», – подумал рыцарь, глядя на оруженосца и покачивая головой.

Де Лекс по возрасту отставал от него всего на год, но кавалер Иван был крестоносцем, значимым человеком, властителем, а де Лекс – всего лишь оруженосцем, которых принято считать чуть ли не детьми. Паж происходил из древнего дворянского рода – а его господин ни разу не произнес вслух своей фамилии, и жестоко рубился на мечах с одним нахальным бароном, рискнувшем сделать это в его присутствии. Даже обращение «мой господин» появилось из необходимости как-то обходить этот странный момент. И тем не менее, родовитый, пусть и бедный, дворянин носит потасканную кирасу, взятую из пыльной оружейной комнаты Ордена, и держит в руках покрытый тонкой чеканкой и позолотой нагрудный доспех с большим орлом, выгравированным в самом центре. Доспех, предназначенный не для него, а для сына поварихи, которому подчиняются бароны и графы, крестоносцы простые ливонские рыцари.

А все потому, что помощник Великого Магистра Ливонского Ордена Готард Кетлер оказался излишне честным человеком. Он сохранил католическую веру тогда, когда больше половины рыцарей перекинулись к учению Лютера; он сохранил целибат в то время, как все вокруг рвали свои клятвы и брали жен; он сохранил верность единственной женщине, простой горожанке тогда, когда даже те, кто по своей воле захотел вступить в брак, не помнили имен всех своих дам, а возле каждого орденского замка уже скоро сто лет, как пристраиваются дома терпимости. И в конце концов – он не отказался от собственного сына, в то время как это делал хоть раз в жизни каждый мужчина.

Только благодаря честности крестоносца мальчик по имени Иван смог вырасти в достаточно зажиточном доме, получить отличное воспитание в Кельнском университете, а вернувшись назад – вопреки всем существующим правилам и законам стал рыцарем Ливонского Ордена. И не просто рыцарем: он смог, где с помощью отца, где своей волей, получить золото и набрать армию для похода в русские земли, дабы подтвердить свое право на звания и регалии, полученные с помощью всем известного, но так и не поделившегося своим именем родителя.

– Кнехты поднимаются, или еще ползают по своим подстилкам?

– Поднимаются, мой господин, – кивнул де Лекс.

– Хорошо, – кивнул рыцарь, – оставь мою кирасу и помоги одеть поддоспешник.

Сын Кетлера внял совету отца и вместо красивых и дорогих курток и колетов взял в зимний поход дублет из толстого грубого войлока с застежкой на спине и кольчужными накладками под мышками, на груди, и по бокам. Ради возможности носить этот дублет он пожертвовал даже тонкой турецкой кольчужкой, которую всегда поддевал под доспех – на всякий случай. Пожалуй, теперь только эта войлочная рубаха, одетая поверх шерстяной, и спасала его от лютого холода, не давая промерзшей стали прикоснуться к телу. А что она напоминает грубую попону лошади нищего серва – так под железом все равно никому не видно.

– Ну и где они? – недовольно буркнул кавалер, когда оруженосец перестал возиться у него за спиной.

Полог откинулся, словно кнехты дожидались приказа командующего у входа, внесли и поставили на стол блюдо с обжаренном на костре гусем, украшенный темными сапфирами медный кубок и кувшин с высоким тонким горлышком персидской работы. Рыцарь, стараясь хоть как-то соответствовать древнему облику крестоносца, чурался излишней роскоши и обходился в посуде без золота и серебра.

Присев к столу, кавалер Иван сперва выпил бокал подогретого вина, отвернул гусю ногу, крыло, вспорол кинжалом грудь и отрезал немного мяса вместе с похрустывающей на зубах кожей, поднялся, поманив дворянина:

– Курт, давай.

Рыцарь отлично знал, что если не дать оруженосцу несколько минут для завтрака, то собирающие шатер рабы моментально сожрут все, не оставив де Лексу ни косточки. Тот торопливо перекусил, растер гусиный жир по рукам – чтобы не так мерзли, налил себе вина, выпил. Теперь настала пора заняться одеждой.

Кнехты кинулись убирать стол, походный складень с иконами, сворачивать постель, а Курт тем временем, приложив господину на грудь его красивую кирасу работы итальянских мастеров, поднял наспинник, перекинул через плечи ремни, стянул половинки доспеха поверху, затем по бокам. Отошел за ножными

доспехами, а командующий поводил плечами, привыкая к новому состоянию.

Помимо огромной стоимости, любые цельнокованые доспехи объединяла еще одна беда – их следовало изготавливать по фигуре рыцаря. Каждая откованная молотком ремесленника деталь обязана не просто вставать на свое место, а хорошо облегать тело заказчика, не оказаться длиннее или короче, не сжимать и не натирать. Кавалер Иван, а точнее – его отец мог себе позволить выписать из Италии изготовленный по снятым меркам нагрудник, а затем в Саксонии, в самом Дрездене дополнить его всеми остальными, менее заметными, но не менее важными деталями. А вот на оруженосце выданная начетником кираса постоянно съезжала набок, не очень понятно почему. То ли плечи он держал не так, как неведомый уже рыцарь, для которого ее изготавливали, то ли ремни иначе затягивал. При попытке стянуть половинки туже Курт почти совершенно терял способность двигаться, если не стягивать – нагрудник натирал правую ключицу и край шеи сзади, заметно выпирая на левую сторону.

Причем его оруженосец мог хотя бы выбрать то, что подходило ему больше всего остального. А призванным к оружию сервам кирасы выдавались зачастую просто наугад. В лучшем случае они менялись между собой, в худшем – подкладывали под кирасу тряпье или лесной мох, поддерживали ее при ходьбе за края, просто снимали и несли на спине, торопясь одеть только при угрозе схватки. Некоторые и вовсе предпочитали драться беззащитными.

Курт принес латные башмаки с наголенниками, сбоку надвинул их на ноги и с внутренней стороны застегнул на крючки. Хорошие башмаки – если не считать того, что под них можно одеть только пару плотно облегающих ногу суконных чулок, и с началом морозов у рыцаря постоянно мерзли ноги. С налядвенником было проще – фактически он постоянно лежал сверху на ноге и мастер сразу снабдил его толстой, мягкой ватной подбивкой, оказавшейся к тому же и достаточно теплой. Настала очередь латной юбки: она состояла из двух полотнищ, собранных из металлических пластин и крепилась к подолу кирасы шестью широкими ремнями – разумеется, закрывая их сверху от возможного режущего удара. Сын Кетлера плечами чувствовал, как заметно потяжелел, но тут ничего не поделаешь – полный максимилиановский доспех стал единственной достаточно надежной защитой от столь часто свистящих над полем боя мушкетных пуль, да и в сече надежно защищал воина.

Для завершения обмундирования ему оставалось совсем немного: плотный шерстяной подшлемник с нашитой, чтобы не сползала со своего места,

кольчугой; широкое стальное ожерелье с воротником, закрывающим шею и широкими краями, спускающимися поверх кирасы. К ожерелью с обеих сторон толстыми ремнями пристегивались наплечники с уже приклепанными к ним наручами и налокотниками. Наруч, кроме того, застегивался еще и сбоку, изнутри. Двадцать две заклепки, ни одна из которых за весь год ни разу не вылетела из своего гнезда и ни приржавела на месте, обеспечивали руке достаточную подвижность.

Оставалось одеть только краги, заканчивающиеся сдвигающимися и раздвигающимися черепицей пластинками, скрепленными еще двадцатью четырьмя подвижным заклепками. Почти все. Теперь можно взяться за шлем – новенький остроклювый армет с выпирающим подбородком, горловым прикрытием, двумя большими заклепками, позволяющими сдвигать забрало, небольшой ручкой, за которую забрало проще ухватить неуклюжей латной рукавицей и трубкой на затылке, чтобы вставлять красочный плюмаж. На этот раз рыцарь решился обойтись без шлема, повесив его на приклепанный справа к кирасе крюк для удержания копья в походном положении.

– Вам помочь дойти до коня, мой господин? – поинтересовался оруженосец, но кавалер только презрительно отмахнулся: еще не хватало!

Уверенной походкой он вышел на улицу, вдохнул оказавшийся после палатки неожиданно морозным воздух, огляделся: без шлема окружающий мир казался неожиданно большим и широким. Одни кнехты, бросив догорающие костры, уже собирались в походную колонну, другие лихорадочно заканчивали грузить на сани свернутые палатки господ рыцарей. Но, что неприятно поразило командующего, дерптский епископ уже возвышался в седле, в своем черном меховом плаще – настолько длинном, что одновременно он мог служить и попоной для гарцующей под седлом лошади. Можно подумать, он ждет пробуждения лагеря чуть не с самого вечера!

Священника окружало семеро конных воинов, одетых в коричневые и синие суконные гарнаши с длинными рукавами. Кавалер подумал о том, что снизу у них наверняка поддеты или кирасы, или кольчуги – но внешне небольшой отряд выглядел подчеркнуто мирно среди сверкающей железом армии.

Кавалер Иван, придерживая левой рукою рукоять меча, решительно направился к своему коню, также одетому в железо, оглянулся на оруженосца и кнехтов. Те подбежали, помогли ему вставить ногу в стремя, потом дружно подняли наверх.

Высокая лука седла надежно зажала воина спереди и сзади, приняла на себя часть тяжести доспеха. Сын Кетлера перевел дух, снял с крюка шлем и перевесил его на седло. Курт подал лэнс и побежал к своей лошади. Рыцарь установил копье вертикально, закрепил его за крюк, легонько кольнул шпорой коня, направляя его к священнику.

– Нам еще долго бродить по лесу, господин епископ? – громко спросил он. – Помнится, именно вы взяли на себя обязанности проводника.

– Нам осталось пересечь два озера, господин кавалер и пройти по одной протоке. Я думаю, сегодня к вечеру мы выберемся на Лугу. Если, конечно, не станем ожидать заката здесь.

– Не станем, – на щеках командующего заиграли желваки. – Трубач! Играй поход!

Разумеется, еще не все кнехты успели уложить палатки своих господ на повозки, и часть лошадей все еще бродят без седоков – ничего. Через час-другой нагонят и встанут в общий строй. Впредь наука: укладываться быстро, а не тянуть со сборами до полудня. Покамест армия находится в диких необжитых лесах, можно поменьше беспокоиться о враге и побольше – о дисциплине.

Зализа проснулся от звука коротко тренькнувшей тетивы, откинул край медвежьей шкуры и выглянул наружу. Бояре в большинстве уже успели подняться, тут и там горели костры, над наволоком полз запах горячего варева. Опричник вздохнул и выбрался из теплого логова наружу.

С луком баловался латынинский новик – видать, не давало ему покоя мастерство тощей иноземки. Купец Логинов, выстроивший свои сани в круг на лужском льду, разворачивать обоз явно не собирался и тоже разводил огонь. Оно и понятно. Его полтора десятка людишек от татей али скоморохов, может, и отобьются, но против армии, естественно, не выстоят. А потому пристроиться к поместному ополчению торговому человеку было очень с руки.

– Не отстанет, – понял Зализа. – Пока к Пагубе не свернем, так и останется за спиной висеть.

– Эй, Семен! – окликнул его боярский сын Старостин. – Подходи, каша поспела.

Это дело упускать было нельзя, и опричник немедленно извлек из спрятанной в валенок тряпицы свою изрядно погрызенную, но все равно любимую ложку. Потому, как Нислав тоже оказался принять в общую артель, у котла все восемь человек не помещались, и пришлось строить круг – первый воин зачерпывал гречневую кашу с длинными мясными волокнами, отходил в сторону и, прихватывая губами разваренную крупу, отходил в конец очереди. К тому времени, когда он снова приближался к котлу, ложка как раз опустошалась и пора было зачерпывать новую.

– Ты мои припасы в общий котел тоже сосчитай, – сказал Феофану опричник, когда в котелке показалось дно. Опричник тщательно облизал ложку завернул ее назад в тряпицу и добавил. – Не назад же мне их везти? Только это мы на вечер отложим. А пока пошли седлать.

Бояре разобрали из табуна на реке своих коней, уложили на место скатки и котомки, затянули подпруги и вскоре все поднялись в седло. Зализа неторопливо двинулся вперед, по уже изрядно проторенной купеческими санями дороге.

Торговый гость Кондрат, как он и предполагал, пристроился в хвост колонны, благо излишне погонять упряжных лошадей не требовалось – опричник вперед не торопился. Так, не походным маршем, а неспешным ленивым шагом рать двигалась еще часа два, пока после очередной излучины впереди не открылся довольно протяженный участок реки. Здесь Зализа и вовсе остановился.

Его нагнал Феофан Старостин, остановился рядом, немногим впереди Нислава. Чуть позже подъехали соседи – бояре Мурат и Иванов, пристроились с другой стороны, не решаясь прервать раздумья государева человека.

– А ладно стреляет иноземка, – неожиданно вспомнил Дмитрий Сергеевич. – Хорошо, что мы летом их не нагнали. Половину витязей бы изранила.

Опричник повернул к нему голову, и боярин Иванов тут же поинтересовался:

– Так пошто стоим, Семен Прокофьевич?

– Нислав, – вместо ответа повернулся к своему телохранителю Зализа. – Ерошинского новика найди. Скажи, нужен.

К тому времени, когда бывший милиционер высмотрел в воинской колонне знакомое лицо и поманил паренька за собой, к опричнику успели подтянуться купец Логинов со своими «подхватными людишками» одетыми в толстые тегиляи и еще несколько взрослых, опытных бояр.

– Рассказывай, – приказал Зализа новику, объехавшему его спереди. – С самого начала. Что я приказал?

– Пройти отцу с нами до Гдова. И гонцов посылать, коли все в порядке.

– Откуда?

– От Бора, с Пагубы перед устьем, от Лядов, ну и самому отцу возвращаться, коли все ладно будет.

– Как вы шли?

– Перед Раглицами первый раз остановились, потом в Бору заночевали, и отец меня назад послал. Дальше я не знаю.

– Когда новик вернулся? – поинтересовался боярин Батов.

– Позавчера ввечеру, – ответил Зализа.

– За день Пагубу всю пройти можно, – почесал нос рукоятью плети Феофан. – А то и назад вернуться.

– Это да, – согласился боярин Батов. – День туда, день назад. Вернуться должен уже вестник. Давно вернуться. Что делать станем, Семен Прокофьевич?

Зализа молчал. В памяти его с внезапной ясностью всплыло предсказание невской нежити: «Чую я, кровь проливается на рубежах земли русской, у большого озера в той стороне, где садится ввечеру Ярило ясное. Чую, не остановится ворог у стольного града, пойдет дальше, смерть и муки неся».

Опричник не верил в то, что Орден рискнул вторгнуться в русские пределы – но никак, никак не мог вытряхнуть из памяти страшные слова.

Дерптский епископ ехал впереди в гордом одиночестве, и сыну Готарда Кетлера время от времени начинало мерещиться, что ветер под ногами коня священника дует не в ту же сторону, как по всей реке, а начинает кружиться вокруг него, вздыматься вверх и опадать обратно. Да и сам властитель западных берегов Чудского озера с кем-то явно разговаривал. Или он просто молился? Правда, за все время похода одинокий всадник не перекрестился ни разу.

Но вот епископ неожиданно натянул поводья и остановился, оглядываясь на собранный из крестоносцев головной отряд:

– Впереди первое из озер, господин кавалер, – сообщил он и указал на чахлые полупрозрачные заросли за невысоким сугробом. – Оно откроется сразу за ними. Но на этих озерах часто рыбачат местные чухонцы. Они могут нас увидеть.

– Пусть смотрят, – с кривой усмешкой кивнул командующий и громко обратился к дворянам: – Господа кавалеры, настало время дать возможность отличиться нашим оруженосцам. Пропустите их вперед, и пусть покажут, на что они способны.

Отряд замедлил шаг, разомкнулся, давая дорогу полусотне легко вооруженных всадников. Их кони не носили доспеха, сами воины из защитного снаряжения ограничивались только кирасами и, иногда, поножами. Но зато в руках у них красовались смертоносные длинные копья, а на поясах висели длинные мечи.

– Давай, Курт! – приободрил он проезжающего мимо де Лекса. – О нашем приходе в эти земли не должна знать ни одна живая душа!

Кони и люди, успевшие замерзнуть долгим зимним утром, с одинаковым удовольствием перешли на широкую рысь, разгоняясь над замерзшей рекой и вихрем вырвались на широкий белоснежный простор озера Врево. Два темных пятна примерно в миле друг от друга на сахарно-чистом зимнем просторе не увидеть было невозможно, и конники, разделившись на два неравных отряда, ринулись в атаку, стараясь оказаться между чухонцами и недалеким от них лесом.

Рыбаки, занятые вытягиванием из проруби длинной сети и перебором улова, по сторонам особо не смотрели, и никакой опасности от утекающей в глухие необитаемые леса Пагубы не ожидали.

Первыми под удар попались двое рыбаков, занимавшихся своим делом на западной стороне озера. Определить их возраста было невозможно – длинные, но без седины, волосы и бороды у обоих свидетельствовали лишь о том, что они ужо давно не дети, но еще и не старики. Распарившиеся, они скинули тулупы на спину понуро свесившей голову лошаденке, оставшись лишь в кожаных, до пояса, бахилах и коричневых холщовых рубахах с длинными рукавами. Мужики дружно тянули за веревку с множеством крупных узлов – уже затягивая снасть обратно под лед. На санях высокой серебристой горкой лежал свежий улов, и многие красноперые рыбешки все еще продолжали трепыхаться, не веря в свою близкую кончину.

– Ой, а енто сызнова хто? – удивленно выпрямился один, увидев накатывающийся конный отряд только тогда, когда всадники уже огибали его немудреную повозку.

Вместо ответа один из воинов с восторженным выкриком вогнал граненый наконечник копья ему в грудь и промчался мимо, оставив холодное древко в теле еще стоящего на ногах, но уже мертвого врага. Второй рыбак, оглянувшись, успел отреагировать быстрее, поднырнул под копье и кинулся в сторону, бежать, перескочив через узкую установочную прорубь – но он был один, а оруженосцев желающих показать удаль и мастерство – больше десятка. Потому, вместо чистого поля несчастный увидел перед собой сразу трех несущихся на него с копьями наперевес чужаков. От смертного ужаса он заорал во все горло и попытался остановить несущий гибель наконечник руками, и даже вроде смог отпустить его от груди вниз, но копье все равно вошло ему в живот, разрывая и выворачивая на лед внутренности, откинуло в сторону, прямо на прорубь. В чистой прозрачной воде, медленно уходя вниз, стали расплываться бурые кровавые разводы.

– Ты видел? Нет, ты видел? – громко спросил Курт де Лекс, спускаясь со своего коня. – Я вогнал ему лэнс точно в сердце! Он рта раскрыть не успел!

Молодой воин поднял копье, в несколько рывков выдернул его из тела и принялся снегом счищать кровь.

– А мой как орал ты слышал? – захлебываясь от восторга, отозвался другой оруженосец. – Он и крутился, и уворачивался, но я его все равно достал!

Остальные всадники, которым похвастаться оказалось нечем, просто столпились вокруг саней с рыбой и следили за происходящим у другого края озера. Там язычники услышали предсмертный крик, успели осознать опасность и кинулись врассыпную. Один по дикарской своей глупости даже заскочил в сани и принялся погонять лошадь – словно на повозке можно убежать от верхового.

Первым из троих рыбаков погиб тот, что кинулся к близкому лесу. Нагнавший его оруженосец очень красиво, и даже изящно вонзил свое копье ему между лопаток, причем вогнал не на половину древка, как де Лекс, а лишь самый кончик – ровно настолько, чтобы убить, но чтобы ленс не застрял и его удалось сразу вытащить обратно.

Вторым попался тот, что удирал на санях. Пару раз оглянувшись, он понял, насколько быстрее мужицкой повозки скачут преследователи, спрыгнул с нее – но споткнулся, несколько раз перекувырнулся, и больше не вставал, поскольку рядом с ним уже начали стучать в лед кованые копыта. Наверное, язычник надеялся, что с высокого рыцарского седла достать его мечом не удастся, или что его примут за мертвого и не тронут – но один из всадников опустил копье и пришпилил рыбака ко льду – уже без всякого изящества, просто по необходимости.

Дольше всех прожил молодой безбородый и безусый паренек, бездумно кинувшийся бежать вдоль вытянувшегося на несколько миль озера. За ним погнались такой же юный Фридрих фон Фосс, пятый сын в довольно известной дворянской семье и виконт де Поншартрен, которого отец, граф Монфор Симон Адольф желал воспитать настоящим воином, а потому доверил Ордену. Родовитые дворяне, скача в двух десятках шагов позади язычника, долго обсуждали, кому из них надлежит нанести смертельный удар – пока рыбак сам не рухнул на снег от усталости. Оруженосцы приблизились, остановились рядом. Паренек попытался встать, сделал пару шагов, упал на колени, окончательно обессиленный. Атаковать такую жертву по всем правилам воинского искусства ордынцам показалось скучно, поэтому они просто потыкали ему в спину мечами и повернули к своим.

Дорога освободилась – и воинская колонна уже вытягивалась неспешным шагом на лед озера, больше не боясь быть обнаруженной неприятелем.

– Лошадь, что ли из упряжи вырезать? – задумчиво предложил один из оруженосцев. – Будет заводной конь.

– Оставь, – посоветовал де Лекс. – Все равно кетлеровский сын кому-нибудь из пеших ливонцев отдаст. Пусть начетник разбирается.

Рыцарские пажи поскакали в сторону головного отряда.

Ехавший первым дерптский епископ внимательно вглядывался в стену леса по левую руку. Поначалу она казалась неразрывный, но вот внимательный взгляд священника обнаружил просвет, черный всадник повернул туда, удовлетворенно кивнул и призывно махнул рукой. Протока со странным названием Быстрица, соединяющая два озера начиналась именно здесь.

Зализа не верил, что Орден смог проникнуть в русские пределы, никак не выдав своих намерений ни торгующим в Ганзе торговым гостям, ни собирающим в Ливонии дань монахам, ни православным священникам, что наверняка предупредили бы единоверцев о грядущей опасности. Не верил. Но знал он и то, что самые глупые правила поведения рати в походе продиктованы большой кровью, пролитой русскими людьми во многих землях. Одно из них гласило: внезапно исчез разъезд – считай, что там подкрадывается враг. Веришь, не веришь – а обычай соблюдай.

– Боярин Мурат, – повернул он голову к осевшему в Северной Пустоши татарину. – Бери своих смердов и сыновей, да скачите по Луге на день пути вперед.

– Вестника прислать, али как? – хищно оскалился шуйский волостник.

– Вестника ты в Бор зашли, пусть про мой дозор поспрошают. А сам, встретишь, не встретишь, кого всем разъездом к вечеру назад возвращайся.

– Понял, Семен Прокофьевич, – татарин поворотил коня и разбойничьим посвистом стал сзывать своих витязей.

– А ты, Дмитрий Сергеевич, – повернулся Зализа к боярину Иванову, пройди две версты ниже по реки и поставь по обоим берегам ратников в засеку.

– Сделаю, Семен Прокофьевич, – кивнул тот.

– Феофан, разбивай лагерь. В слепую я ополчение не поведу.

– Это верно, Семен, – боярин Старостин отправился выполнять распоряжение.

– Так что, Семен Прокофьевич, – не очень уверенно спросил купец, внезапно ощутивший себя в самом центре военной компании. – Гуляй-город рубить?

– Гуляй-город? – переспросил опричник, и вспомнил еще одно очень важное на войне правило: лучше сделать лишнее, чем оказаться без необходимого. Зализа вздохнул, и уверенно кивнул: – Рубить!

Воинская колонна опять свернула на широкий наволок. Бояре скидывали на заснеженную землю котомки и чересседельные сумки, расседлывали коней, пуская их порезвиться на снежном просторе. А вот купец на этот раз ушел с реки и, высматривая между соснами просветы или срубая невысокую поросль, стал заводить обоз в лес. Углубившись на пару сотен саженей, работники Кондрата Васильевича принялись спешно разгружать товар. Впрочем, несколько людишек уже начали выбирать сосенки в полобхвата толщиной и умело рубить их под самый корешок.

В это самое время на Кауштин луг, рядом с недавно поставленными избами селения опричных иноземцев, ломая растущий по сторонам нахоженной тропки ивняк начали одни за другими выкатываться тяжело груженые сани, послышались громкие мужские голоса, заржали кони. На тихом заснеженном поле внезапно стало шумно и тесно. Нежданные гости накрывали коней попонами, некоторые вовсе распрягали, грмко переговаривались, шутили и смеялись.

Пожалуй, единственное, что утешало стоящего в воротах Сашу Качина, оставленного в опустевшем поселке с пятью женщинами и шестью мужиками – это то, что нежданные гости размашисто крестились на крест поселковой часовни, снимая шапки и низко кланяясь, а не рвались под крыши, следуя извечному русскому правилу: накорми, обогрей, баньку стопи, а уж потом вопросы задавай.

Бани в поселке, впрочем, все равно еще не имелось.

Когда из леса появился, верхом на коне, купец Баженов, Илья Анисимович, Качин наконец-то почувствовал облегчение и даже, поддавшись общему настроению, широко перекрестился.

– Вот и прибыли! – остановившись у края зарослей, приободрил Илья Анисимович все идущих и идущих из заснеженного леса мужиков. – Здесь и отдохнете.

Саша, оглядев массу саней, людей и лошадей, с непривычки показавшуюся несчитанной, двинулся к купцу. К тому времени, когда он добрался до Баженова, тот уже объяснял чернобородому крепышу в красном зипуне и мохнатой бесформенной шапке:

– Лес боярин дозволяет рубить невозбранно. Но дабы на дело шло, а не баловства ради! Скотину хозяевам в сарай пока сгоните, он ноне пустой стоит. Каши и зерно туда же сгрузите, на кошт хозяин вам выделять станет. За пару дней управитесь с делами артельными, и с Богом, за дело.

Заметив Качина, купец неторопливо спустился на землю, вежливо поклонился:

– Здрав будь, хозяин.

– Здравствуй, Илья Анисимович, – постарался точно так же поклониться Саша. – А Кости нет. Его опричник в поход увел.

– Знаю, – кивнул купец. – Через Замежье обоз вел, с боярыней встретился. Неладно, сказывала, на западном порубежье.

Баженов оглянулся на отошедшего к остальным мужикам крепыша и предложил:

– Пойдем в дом.

Из угощения у провалившихся в шестнадцатый век одноклубников имелись только брусничный чай, да печеная рыба – но Илья Анисимович знал, к кому попал, а потому на застолье и не рассчитывал.

– Стало быть, так, – вдумчиво сообщил он Качину, распахнув на груди епанчу и продемонстрировав хозяевам дома атласную с соболиной оторочкой душегрейку: – Пополонок они уже получили, более им ничего не плати, пока дела не покончат. Артельного ты видел, я ему наказывал хозяина слушать во всем.

– Ну да, – засуетился Качин, – я тут прикинул, как все устроить надо.

Купец довольно усмехнулся, увидев, что рисунки начертаны на серой рыхловатой бумаге сделанной в его присутствии. Стало быть – не плоха, пусть иноземцы мануфактуру налаживают, должен пойти товар. Однако смотреть ничего не стал:

– То артельному покажи. У нас уговор: две мельницы по вашему наущению поставить, амбары для товара. Избу большую, какую скажешь, стекло варить. Печник наперво артельщикам очаги сложит, а потом тебе, для стекла, каковую спросишь.

Саша, пожав плечами, положил чертежи на стол. Сейчас он остро сожалел, что всех остальных мужчин отпустил за дровами. Его, как подавшего идею стекловарни и соображающего в строительстве, оставили разрабатывать, как это называется, «эскизный проект». И вот нате вам – вместо инженера внезапно оказался прорабом.

– Скотина и каша твоя, – продолжал загибать пальцы купец. – Коли споро работать станут, выдавай им на кошт по хряку в два дни и три меры крупы на день. Заленятся – пусть и харчуют меньше. Себе можете брать невозбранно, вам о деле думать надобно, а не косых по лесу ловить, али карасей на реке. Сегодня-завтра артель не трогай, пусть устроятся. А опосля к делу ставь.

– Понял, – покорно кивнул Качин.

– Теперь вот, – опасливо оглянулся Илья Анисимович и выудил из-за пазухи два матерчатых мешочка, протянул один Саша. – Это артели по уговору положено. Как все отстроят, отдашь. Две монеты печнику, тоже обговорено. А вот это, – он протянул второй кошель, почти равный по весу первому, – коли сверх уговора нужда в чем застигнет. Только не зевай, какую цену запросят – сбивай вдвое. Вот. А я по реке пущусь, хочу дом навестить. Коли на рубежах неспокойно, надобно Марьяну навестить, жену мою. Саму успокоить, совет какой дать, о деле торговом разузнать. Может, гости приезжали, али грамоту кто присылал. Месяца не пройдет, ворочусь. Думаю, артель к такому сроку едва-едва управится.

– Угу, – Саша подобрал кошели, взвесил в руках. Тот, что предназначался артели, весил раза в полтора меньше.

– Спасибо, хозяин, за хлеб за соль, – со всей серьезность поклонился Баженов, так и не присевший к столу и, нахлобучивая высокую бобровую шапку, поворотил к дверям.

Качин, оглядевшись, торопливо засунул кошели на одну из балок – сучок там выскочил, и получилась изрядная выемка. Выдернул между бревен пук мха, ткнул поверх денег, отступил, посмотрел. Вроде, не заметно. Кинулся на улицу проводить купца, но тот, во главе отряда из двух десятков своих молодцев с зазимовавшей в Замежье ладьи, уже мчался, вздымая снежные вихри, вниз по извилистой Суйде.

Быстрица в длину составляла не более двух миль, и всю ее армия прошла за полтора часа. Когда впереди раскрылся белый простор, епископ опять остановил коня и дождался крестоносцев.

– Впереди, на том берегу, – сказал он, обращаясь к кавалеру Ивану, – стоит деревня Бор. Она как раз посередине между Лугой и озером. Мы сейчас налево повернем, пройдем полторы мили по озеру, и две по протоке, что прямо в Лугу впадает. Если на льду никого нет, то из селения нас не увидят. И по этой стороне, и по той тайно пройдем.

– Господа, – обратился сын Кетлера к дворянам. – Давайте еще раз пропустим оруженосцев. Пусть приобщаются к воинскому делу.

И вновь легкая конница помчалась впереди армии, готовая расчистить дорогу от случайных свидетелей – но на этот раз боги хранили язычников и надоумили не выглядывать в морозный день на широкое рыбное озеро. Следом за легкой конницей двинулась тяжелая. Закованные в железо кони неспешно переставляли по снегу широкие копыта, неся в седлах неподвижные стальные статуи, зажимающие в правых ладонях копья, а левыми придерживающие поводья.

Сын Кетлера, повернув голову, с некоторым недоумением вглядывался в проплывающий над горизонтом крест. Самой церквушки, как и селения, в котором она стоит, из-за расстояния было не разглядеть, но заброшенный на огромную высоту крест явственно доказывал, что здесь живет не пара хуторян, и даже не десяток сервов.

Теперь понятно, почему священник не повел армию к Луге по прямой – из такого селения народ при виде врага не разбежится, как из оставленной три дня назад деревушки. И если за три дня кнехты не смогли прорваться даже в ту земляную крепость, что епископ называл боярской усадьбой, то более крупного города и вправду лучше остерегаться.

Рыцарь поежился. Идти по вражеской земле, оставляя у себя в тылу непокоренные города и селения, тем самым фактически отрезая себе пути отхода и снабжения – и в страшном сне он не мог себе представить, что когда-либо решится на подобное. И чего ради? Ради мифического обещания без боя впустить ливонскую армию в стены Новгорода? Все это выглядело правдоподобным там, в далекой Мяэтагузе, когда он еще не знал, что стены русской приграничной крепостицы вдвое выше стен Кельна, а в земляные валы затерянной среди диких лесов усадьбы можно бить чугунными ядрами месяцы напролет без малейшего толка. И что после каждой, самой мелкой стычки появляются раненые, которых не отправить назад в безопасный лагерь, не расчистив дорогу от подобных крепостей и усадеб, что по мере продвижения вперед обуза становится все тяжелее, что в мерзлой земле не выдолбить могилы для погибших, и они тоже повисают на шее армии непомерным грузом…

Теперь он начал сильно сожалеть, что поддался на угрозы священника и ушел к Новгороду. Ведь силы взять Гдов у него имелись – требовался всего лишь месяц

терпения. И усадьбу при правильной осаде удалось бы снести с дороги всего за пару недель. Теперь они, крадучись, обходят новые крепости. Сколько их еще окажется на пути? До Новгорода остается четыре дня дороги. И то, если не выяснится, что какая-нибудь подобная крепостица намертво перекрывает проезд…

Рыцарь легко коснулся шпорами боков своего коня и нагнал проводника:

– Вы уверены, господин епископ, что нам не потребуется на оставшемся пути штурмовать неожиданные укрепления?

– Нет, господин кавалер, – не повернув головы, спокойным тоном сообщил священник. – Сейчас по протоке и по реке мы обойдем Бор. От него и до самых Раглиц на реке нет ни единого селения. Раглицы, конечно, будут куда крупнее Чернево, но их можно без труда обойти. Вокруг них поля, луга. И так до самого Новгорода. Сейчас зима, гиблые места замерзли. Там, где нет леса – пройти можно везде.

– Если нам не откроют ворот города, то нам придется бросить всех раненых и почти весь обоз, – хмуро сообщил командующий. – И даже тогда будет очень трудно дойти назад.

– Откроют, – кивнул священник. – Можете быть уверены.

«Нужно было оставаться у Гдова, – подумал рыцарь. – Пожалуй даже, не стоило вообще соглашаться с прожектами священника. Нужно было дождаться морозов в лагере, пробраться через замерзшие болота между Иван-городом и Ямом, ударить вниз по Луге, а потом вдоль побережья по свежему льду пробраться назад».

Но обратного пути у командующего уже не было.

– Хорошо, сын мой, – негромко начал священник, видя сомнения в молодом крестоносце. – Поскольку план наш близок к завершению, и дабы приободрить вас я открою вам одну тайну. Этим летом мор опустошил Псков и Новгород, и воли к борьбе в этих городах сейчас нет. Мало того, мор поразил и русского царя, а потому сейчас он лежит на смертном одре. Свободный в скором времени трон делит несколько князей, а потому ни один воин из стен Москвы в

ближайшие месяцы не выйдет. Как вы видите, наш с вами поход подготовлен достаточно хорошо. Неужели же вы думаете, что покровитель, имени которого нам с вами знать не нужно, не позаботился и о том чтобы не произошло никаких случайностей и в самом Новгороде? Перестаньте сожалеть о невзятых деревнях и недорушенных крепостях. Впереди нас ждет истинная цель, перед которой все прочие победы и поражения блекнут. Для нас главное – просто дойти, и внести в стены города герб Ливонского Ордена. Вы поняли меня, сын мой?

– Да, господин епископ, – рыцарь чуть потянул на себя поводья, и конь замедлил шаг.

Со слов священника сын Готарда Кетлера понял главное: этот поход готовил не только он сам, и не только дерптский епископ, но и куда более весомые силы мира сего. И ему не верилось, что кто-то, кроме его самого или отца мог быть заинтересован в поднятии стяга Ливонского Ордена над башнями русского города. Просто поднятии знамени – поскольку покорять окрестные земли он не имел ни сил, ни времени, да никто и не пытался поставить ему такой задачи. И чем больше крестоносец размышлял над получающимся несоответствием, тем более странным оно ему казалось. По прошествии получаса кавалер Иван отозвал в сторону крестоносцев барона фон Регенбоха и фон Гольца и стал долго и подробно что-то им объяснять.

Протока повернула круто направо, заставив колонну двинуться чуть ли не в обратную сторону, потом стала по широкой дуге заворачивать влево еще полмили пути – и из-под высоких сосновых крон войско стало вытекать на широкую ленту Луги.

– Смотрите! – крикнул литовский рыцарь по имени Хилмун, разворачивая коня, опустил копье и дал шпоры. По правую руку от отряда крестоносцев, всего в сотне шагов, неспешно полз вверх по течению обоз никак не менее, чем из двадцати саней.

Остальные всадники, не дожидаясь приказов, тоже помчались в атаку – но теперь оруженосцы оказались за спинами своих господ. Среди возничих, услышавших за спиной дробный топот тяжелой конницы, началась паника: кто-то, бросив повозку, кинулся бежать к лесу, кто-то, нахлестывая длинными вожжами лошадей, пытался пустить их вскачь, кто-то вскочив на кипы товара, выдергивал из-за пояса топор. Рыцари носились по реке, с хохотом нанизывая визжащих русичей на острия копий, рубя их мечами, затаптывая в снег

копытами коней.

Спустя несколько минут развлечение закончилось – тут и там на реке валялись безжизненные, изломанные, окровавленные тела. Лишь на одних санях стоял, вздымая широко расставленные руки с растопыренными пальцами одетый в пухлую шубу купец, да кавалер Хилмун никак не мог наколоть на пику вертлявого русского серва. Тот метался перед конем из сторону в сторону, поминутно оглядываясь и норовя отскочить по левую, неудобную для удара сторону. Одетый в распахнутый на груди тулуп с большими проплешинами в свалявшемся меху язычник шаг за шагом приближался к спасительной черте густого ивняка.

Зарычав от злости, Хилмун отшвырнул лэнс, выхватил меч и направил коня слева от серва, занося сверкающий клинок для завершающего аккорда схватки. В этот миг русич остановился, коротко взмахнул рукой – в воздухе промелькнул темный шарик кистеня и точно ударил в самое уязвимое место каждого рыцаря: в раскрытые ноздри боевого коня, выпирающие из-под ладно откованной маски. Жеребец заржал, пытаясь подняться на дыбы, и тяжело опрокинулся на бок, придавив ногу потерявшему меч ливонцу.

Пока рыцарь, ошалев от удара о землю, хватал руками воздух, злобный коварный серв подскочил ближе, торопливо выдернул из валенка кривой засапожный нож, несколько раз ударил им в щель забрала, потом шустро ощупал пояс рыцаря: шестопер тяжел, кинжал и меч приклепаны на цепочки. Русич вскинул голову, метнул взгляд в сторону столпившихся у обоза ордынцев, тоже растерявшихся от увиденного, приподнял за край кованное ожерелье, резанул под ним ножом, пытаясь попасть по ремням доспеха.

От обоза, обнажив мечи, в его сторону начали разгоняться несколько рыцарей и добрый десяток оруженосцев. Мародер резанул ножом еще пару раз, рванул за край кирасы, увидел подвязанный на тонкую серебряную цепочку кожаный мешочек, ухватил его, рванул к себе и, продолжая сжимать в руке нож, с треском вломился в кустарник, уходя в глубь леса.

Всадники домчались до убитого товарища, но углубляться в непролазную чащу, естественно, не стали. Мужик, отойдя от реки на сотню шагов, остановился, привалился к сосне, пытаясь отдышаться. Немного придя в себя, спрятал нож обратно за голенище валенка, развязал мешочек. Вместо ожидаемого золота там оказался еще сохранивший запах духов кружевной платок, прядь пшенично-

золотых волос и ладанка с какими-то опилками. Русич разочарованно сплюнул, отшвырнул его в сторону, успевшую остыть на морозе серебряную цепочку запасливо намотал себе на запястье и, при каждом шаге глубоко проваливаясь в снег, стал пробираться вверх по течению.

– Еще один рыцарь! – в ярости прошептал кавалер Иван и перевел взгляд на сдавшегося в плен купца.

Он кому-нибудь нужен? Проводником выступает епископ, договориться на счет выкупа удастся не скоро, а таскать с собой лишнюю обузу – много дней. Крестоносец обнажил меч и тронулся к пленнику.

– Нет! Не-ет! Господи Иисусу, не надо! – купец понял, что его ждет и упал на колени, закрываясь руками. – А-а-а!

Просвистевший клинок оборвал жалобный вопль, обрубив одну руку и погрузившись от ключицы чуть не до живота. Труп отвалился в снег.

– Надо было шубу с него сперва снять, – разочаровано вздохнул фон Гольц. – Теперь испорчена.

Вид разбросанных тут и там мертвых тел, слегка припорошенных снегом, заставил Прослава поежиться – однако он увидел, как с краю реки рыцарские сервы начинают расставлять шатры и заторопился распрягать уставшую за день Храпку.

– Эй, раб, иди сюда, – подошел заведующий едой кнехт.

– Да нам барона нужно бульоном… – начал было вчерашнюю песню раб кавалера Хангана, но латник небрежно отмахнулся:

– Успеешь. Иди за мной. И ты тоже, – поманил он Бронислава.

Соседи, переглянувшись, послушно двинулись за воином.

– Вот, – подвел их кнехт к паре саней с запряженными в них лошадьми. – Ты за эту отвечаешь, ты за другую. Накормить, напоить, попоной укрыть. В общем, головой отвечаете.

– Понял, господин, – Прослав увидел в одних санях большое кровавое пятно и тут же положил ладони на оглобли других. – Все сделаем.

Поставив порученные ему сани рядом со своими, серв выпряг чужую лошадь, вывел из оглоблей, сунул под морду пук сена. Пошел искать попону. Но вместо попоны рука его наткнулась под сеном в чужой повозке на плотно укатанный тюк. Прослав подтянул его к себе, взглянул и его словно окатило кипятком: парча! Он тут же уронил тюк обратно, испуганно огляделся по сторонам. Но на одного из многих тружеников ливонской армии никто не обращал никакого внимания, всем вполне хватало и своих хлопот.

– Я просто пока отложу, – негромко произнес Прослав, подхватил тюк и, изо всех сил сохраняя спокойствие, перекинул его к себе в сани. Немного выждал… Нет, никто не бежал хватать его за руку, никто не уличал в воровстве и не пытался повесить на дереве.

Он вспомнил, что так и не укрыл конягу, вернулся к чужой повозке, продолжил поиски и наткнулся еще на один тюк. На этот раз – просто холст. Прослав вздохнул с некоторым даже облегчением: невелика кража, и уже почти открыто перенес к себе – должен он навести порядок в доверенных ему санях? Наконец вместо попоны обнаружился донельзя истертый тулуп – им-то и прикрыл от холода незнакомого коня серв, подкинул ему еще сена. Потом отсыпал зерна на постеленную на снег мешковину, а когда лошади захрустели предложенным угощением, прикопал оба найденных тюка на самое днище саней, прикрыл пустыми мешками из-под пшеницы, присыпал сеном. Вроде, если специально не приглядываться, так и незаметно.

Серв мечтательно прикрыл глаза, представляя, какое вызовет изумление, вернувшись домой и выложив на стол этакие подарки! Хотя, наверное, ткань все равно придется продать. Куда им столько? А уж тем более – парчи. Но перво-наперво он все равно похвастается своей богатой добычей.

До чего все-таки хорошо, что он попал на войну! Вот повезло, так повезло! Он вспомнил, как боялся этого ремесла и покачал головой – вот дурень, так дурень!

Попросись он с кавалером Ханганом еще в молодости, сейчас, верно, имел бы не одну кобылу, а всю тройку коней, загон для скота поболее, да и дом побогаче. Ну, да чего теперь… В его возрасте в латники подаваться поздно.

Напоив лошадей, он отошел к общему костру, на котором Харитон уже сварил на всех четверых, считая барона, жирную гусиную похлебку. Гусятина опять досталась сервам, а похлебка – дворянину, до сих пор не открывающему глаза, но попадающее в рот варево проглатывающему исправно. Глаза тут же начали слипаться, поэтому Прослав вернулся к своим саням, кинул тулуп рядом с бомбардой, вытянулся во весь рост, положив голову на спрятанные от посторонних глаз тюки ткани, прикрылся другой полой и закрыл глаза.

Но не успел он насладиться забвением, как на плечо легла холодная рука:

– Это твои сани, раб?

– Нет! – испуганно дернулся Прослав и попытался вскочить, решив, что кража обнаружена.

– Тихо! – перед ним стоял рыцарь в доспехах, но без шлема. Над лагерем висела глубокая звездная ночь, со всех сторон слышалось сладкое посапывание. А сено и мешковину над тканью, по виду, никто не трогал.

– Ну, – опять тряхнул его рыцарь, – проснулся? Повозка с бомбардой твоя?

– Моя, господин, – чувствуя в животе наливающийся холодом ком, кивнул серв.

– Запрягай. Только тихо, понял? – крестоносец сложил кулак из толстых стальных пластин и Прослав торопливо закивал. – Запрягай, сейчас выступаем.

– Просыпайся, Семен Прокофьевич, – затряс кто-то медвежью шкуру.

Зализа шумно зевнул, открыл глаза, высовывая наружу голову. Увидел встревоженное лицо татарина и рывком сел:

– Говори, боярин!

– Лагерь ордынский в полдни отсюда, – тяжело дыша, ответил Мурат Абенович. – Немногим ниже Бора по реке.

– От нежить, зараза болотная! – со злостью ударил Зализа кулаком себе в ладонь. – Накликала все-таки!

– Кто? – не понял боярин Аваров.

– Много? – опричник встал, поводил плечами, покрутил руками, развернулся всем корпусом из стороны в сторону, одновременно и просыпаясь, и давая юшману обвиснуть вдоль тела.

– Думаю, больше тысячи будет, Семен Прокофьевич.

– Тебя не видели, Мурат Абенович?

– Как можно? – осклабился татарин. – Я костры посчитал. Две сотни с небольшим. У каждого обычно людишек пять греется. Так и получается, тысяча с небольшим. Палатки видел, но мало. Около двух сотен будет.

– Значит, две сотни рыцарей, а остальное – кнехты, – сделал вывод Зализа, задумчиво покусывая губу.

В общем, соотношение сил его особо не пугало. Если по коннице считать – две сотни ливонской конницы вдвое меньше четырех сотен бояр. Если по кнехтам – то восьми сотням пешцов удара четырех сотен кованной конницы не выдержать. Все вместе – примерно равная сила получается. Пожалуй, даже, ордынцев меньше: после осады Казани, не раз встречаясь с татарскими разъездами и сходив под Тулу, опричник привык, что врага нужно смело атаковать и гнать без оглядки, даже если его больше раза в два или три. Правда, кидаться на ордынцев прямо сейчас смысла не имело. Ночь. Бояр поднимать не выспавшихся, да маршем гнать – устанут. Зачем с усталыми витязями бой начинать, если можно врага прямо здесь подождать, да свежими силами в него ударить?

– Что делать станем, Семен Прокофьевич? – негромко поинтересовался подошедший боярин Иванов.

Хотя ратники, вроде бы, все спали, весть об обнаруженном вражеском воинстве непостижимым образом распространилась среди людей и многие бояре стали подтягиваться к государеву человеку, ожидая его решения.

– А что тут сделаешь, Дмитрий Сергеевич? – усмехнулся Зализа. – Спать будем.

– Как спать? – возмутился кто-то из задних рядов. – Немцы на Руси!

– Спать, – повторил опричник. – Окромя Луги дороги здесь нет, они завтра сами к нам под клинки придут. А коли Бор захотят обложить, оно и лучше. Днем позже подойдем, в спину ударим, а воевода Лютин со стен поможет. Нет пока тревоги, бояре. Людишки Кондрат Васильевича с Божьей помощью гуляй-город срубили из девяти щитов. Завтра поутру Лугу ими перегородим, ливонцев дождемся, да и ударим по ним всею силушкой, до самого Пернова бежать станут.

– Неправильно это.

Бояре поворотились к воспротивившимся плану опричника иноземцам. Костя Росин и Игорь Картышев, выбравшиеся из палатки полураздетыми – просто накинув на плечи даренные тулупы и сунув ноги в самодельные поршни – выглядели рядом с одетыми в железо ратниками не столько странно, сколько забавно. Тем не менее Игорь, кадровый офицер, прошедший Афганистан и успевший «зацепить» Чечню, говорил твердо и уверенно:

– Нельзя так делать, ученые мы уже. Вы им в лоб вдарите, они разбегутся. Потом, как тараканы, из других щелей полезут. Если бить, то насмерть, чтобы никто не ушел. Зачем вам гуляй-город поперек реки? Все равно в конном строю атаковать станете! Его нужно не здесь, его нужно ливонцам за спину выкатить! Чтобы бежать было некуда, чтобы все здесь остались.

– Ладно говоришь, боярин, – задумчиво ответил Зализа, вытаскивая маленький ножичек и принимаясь крутить его между пальцев, потом с огорчением покачал головой. – Ладно говоришь, да трудно исполнить. Коли рано гуляй-город выкатите, ливонцы вас затопчут. Их, почитай, в полсотни раз больше получится. Поздно выкатитесь – и вовсе никакой пользы, ужо разбегутся все.

– Выкатим после того, как вы сечу начнете. Они все вперед смотреть станут, силы туда подтянут. Пока прочухаются, поздно станет.

Но опричник опять покачал головой:

– Две сотни рыцарей, восемь сотен пешцов, да еще обоз. Колонна длинная. Никак не меньше, чем полверсты получается. Вам до начала такого дела еще и в лесу схорониться потребуется. Как на таком расстоянии вы начало сечи услышите?

– Есть способ, – многозначительно улыбнулся Картышев.

– Семен Прокофьевич, – громко попросил бывший милиционер. – Дозволь с иноземцами вместе воевать? На коне с меня пользы мало. Зато в гуляй-городе пищаль к месту окажется. Пять пищалей у нас на всех, отобьемся.

Зализа помолчал еще несколько минут, покусывая губу, потом спрятал ножичек обратно в ножны и кивнул:

– Да будет так! Правым крылом войска командовать я стану, а коли случится со мной что, то боярин Иванов, Дмитрий Сергеевич продолжит. Правым крылом боярина Феофана Старостина назначаю, а коли случится с ним что, боярин Аваров заменит, Мурат Абенович. В гуляй-городе воеводой боярина Росина ставлю, Константина Алексеевича. А буде беда случится, служилый человек Нислав его заменит. Набирайтесь сил, бояре, трапезничайте сытнее. Ратное дело сегодня предстоит. С нами Бог!

Небо начинало потихоньку светать, и ложиться спать Зализа уже не стал. Ему предстояло определить место для предстоящей сечи, вывести в засаду сани с гуляй-городом, обсудить с назначенными в воеводы боярами план будущей битвы.

В утренней суете завтрака и сворачивания лагеря разобраться с численностью и порядком войска было довольно трудно, но когда армия вытянулась в походную колонну, дерптский епископ сразу заподозрил неладное. Поначалу ему показалось, что в колонне кнехтов одетых в плюдерхозы и толстые шерстяные плащи епископских воинов внезапно стало в несколько раз больше. Потом он понял, что все как раз наоборот: меньше стало орденских кнехтов, в их коротких тулупах и широких свободных штанах.

Священник, в сопровождении семи телохранителей, промчался вдоль всей колонны: да, действительно, армия похудела не меньше, чем на две сотни человек! К тому же, рядом с командующим не гарцевали его самые близкие друзья и помощники: крестоносцы фон Гольц и фон Регенбох.

– Демон! – прошептал епископ. – Куда пропали рыцари и кнехты из армии?

– Они торопятся вниз по реке, – детским голоском откликнулся скрутившийся в вихре снег. – Ночью убежали…

Священник оглянулся за следующих по пятам воинов, но они явно ничего не услышали.

– Почему ты не сказал мне про это раньше?

– Ты спал, смертный, – рассмеялась за спиной какая-то женщина. – И ты никогда не приказывал следить за воинами своей армии, – добавил мужской баритон из-под брюха коня.

Дерптский епископ тихо зарычал и пустился в погоню за головным отрядом рыцарей.

– Господин кавалер!

– Я вас слушаю, – юный командующий, понимая, о чем пойдет речь, отделился от крестоносцев и выехал в сторону.

– Я бы хотел узнать, господин кавалер, – сдерживая ярость, негромко спросил священник, – куда исчезли из войска примерно десять крестоносцев и две сотни кнехтов?

– Я вам отвечу, – кивнул сын Кетлера. – Обе сотни Тапской комтурии под командованием десяти опытных рыцарей спустятся вниз по Луге, разорят поселения у самого устья реки и закрепятся там, отрезав крепости Ям и Ивангород от моря. Когда мы захватим Новгород, весь север Руси окажется отрезанным от остальной страны и окажется быстро побежден…

– Ты лжешь! – не выдержал-таки священник. – Тебе безразличны все эти крепости и города! Ты просто отрабатываешь ганзейское золото! Тебе заплатили за истребление плавающих по Балтийскому морю русских купцов, и ради этого ты готов предать высшие цели!

– Да, да, святоша! – так же прямо ответил сын Кетлера. – Я отрабатываю золото Купеческого союза! Мне двадцать лет, святоша, но я не так глуп! Если я нарушу слово и не разорю русские причалы, мне больше никогда в жизни никто не даст на военный поход ни артига! А я не собираюсь становиться нищим бездомным ландскнехтом!

– Глупец! – зашипел, наклонившись вперед, в самое лицо мальчишки епископ. – Ты даже не представляешь, какую миссию нам предстоит выполнить! Твое ганзейское золото – куриный помет по сравнению с этим!

– Какую? Ну, господин епископ, какая миссия может оправдать клятвопреступление?!

Священник осекся. В горячке спора он едва не проболтался о том, что гонит ливонцев к Новгороду не ради пустой славы, а для того, чтобы найти и забрать не очень большую каменную плиту – крышку Гроба Господня, увезенную монголами хана Хулагу из захваченного ими Иерусалима и подаренную Александру Невскому ханом Батыем в знак своего дружеского расположения. Но тогда пришлось бы сказать и то, что ни один из ливонцев живым назад уже не вернется: просто потому, что новгородцы не любят чужих воинов в своем городе. Идущая под флагом Ливонского Ордена тысяча воинов должна удержаться в городе всего несколько дней – до тех пор, пока ошеломленные предательством новгородцы не спохватятся, и не начнут всерьез истреблять впущенных подкупленными боярами, воеводой или купцами немцев. Всего несколько дней – необходимых дерптскому епископу, чтобы найти и вывезти, или хотя бы спрятать священную реликвию.

– Если ваши хваленые лазутчики откроют ворота, – продолжал доказывать свою правоту сын Кетлера, – нам хватит и половины армии. Если нет – нам придется бежать от стен Новгорода вовсе без боя.

Глупец! Он даже не подозревал, сколь могущественные силы тайно поддерживают этот поход, который не может не кончиться успехом. Не

подозревал, что твердость его обещаний уже не имеет значения – он все равно почти что мертв. Значение имеют две сотни воинов, уходящие прочь: в стенах города они смогут поддерживать власть Ордена лишних два-три дня – а в деле поиска и укрывания от ортодоксальных священников древней реликвии решающее значение способен сыграть даже один лишний час!

– Немедленно верните кнехтов! – потребовал епископ.

– Нет! – упрямо тряхнул головой рыцарь. – Если я обещал Ганзе истребить русских купцов, они должны бить уничтожены.

– Именем Господа нашего Иисуса Христа приказываю вам, – повысил голос священник. – Немедленно верните уходящие сотни в общий строй.

– Я потом покаюсь и куплю у вас индульгенцию, святой отец, – презрительно хмыкнул сын великого магистра, и дернул поводья, поворачивая морду коня.

– Верни их назад!

– Нет, – рыцарь присоединился к отряду крестоносцев.

– Тогда я сделаю это сам!

Ответа от командующего армией не последовало.

– Верни их, демон!

– Кого? – хихикнул дух Тьмы.

Священник от злости заскрежетал зубами. Демон Тьмы мог целиком и полностью подчинять себе любого смертного – но только одного. Если сын Кетлера достаточно подробно объяснил своим воинам их задачу, то неожиданное требование любого из крестоносцев повернуть назад не произведет на всех остальных никакого действия. Демон может вернуть только одного – но никак не всех! А если кнехты уже знают, что их послали грабить торговые поселения – их сможет остановить только смерть.

– Какой смысл продавать душу, если все приходится делать самому? – прошипел епископ.

– Какова плата, таков и слуга, – рассмеялась в ответ поземка под копытами коня.

«А ведь проклятый рыцарь наверняка рассказал кнехтам далеко не все! – внезапно подумал священник. Посылая отряд разорять мелких речных торговцев, он наверняка не признался, что собирается войти в Новгород! А большой богатый город – это не деревенские коробейники. С городской добычи можно обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь…».

– Нет, я их все-таки верну, – улыбнулся дерпткий епископ, повернул коня и дал ему шпоры, разгоняясь вниз по Луге и увлекая за собой охрану.

По всей видимости, в этом месте в реку впадал какой-то ручей, заболотивший немалую часть наволока и образовавший в лесу треугольную прогалину, ныне скованную льдом. Боярские сотни вошли в нее почти все, до единого всадника. Для боя витязи оставили себе по одному коню, с которых сняли все лишние сумки и котомки. Колчаны, наоборот, набили плотно, насколько было возможно, а многие воины взяли их даже и по два. Рогатины торчали широкими лезвиями вверх за спинами воинов, у кого притороченные к седлу, у кого – закинутые за спину.

Все лишнее – коней, скатки, сумки отвели или отвезли глубоко в лес и оставили под присмотром ерошинского новика и нескольких смердов. Младший сын боярина Ероши пытался спорить и рвался в сечу – но его строго отчитали сразу многие старшие помещики, наказав слушаться приказов государева человека и стоять насмерть там, куда поставили, а не где хочется. Настоящую причину немилости вслух так никто и не произнес: появление ливонского войска и исчезновение боярского разъезда означали то, что отныне и хозяйство вести, и ратников выставлять и продолжать боярский род ерошинский предстояло ему одному – отца со старшими братьями он более не увидит.

Воины молчали. Для большинства предстоящая сеча была не первой сшибкой и, Бог даст, не последней. Но волновались все равно все – теребили темляки сабель, пробовали, насколько хорошо выходит сабля из ножен, на месте ли за поясом кистени, не сбилась ли рогатина у седла, проверяли застежки

налатников.

– Идут, – негромко сообщил Зализа.

Из-за далекого речного поворота показалась темная масса, которая неспешно приближалась, с каждым мгновением все четче и четче прорисовываясь в деталях. Вот стали различимы отдельные всадники, вздернутые вверх копья, железные лошадиные маски, сверкающие доспехи всадников и коней, белые длинные плащи.

Следом за передовым конным отрядом двигались на своих ногах пешцы, частью просто с мечами на поясах, частью с длинными пиками, у кончиков которых болтались разноцветные тряпочные кисточки. Красивое зрелище, если не знать, что предназначены они для впитывания человеческой крови – дабы древко после удачного удара в крови врага не пачкалось и по руке не скользило. Дольше полз обоз из нескольких десятков саней.

– Пора, – прошептал опричник.

Он помнил, что по заветам многих и многих воителей воевода в бой идти не должен, а обязан прятаться за спинами ратников и мудрые приказы отдавать. Но Зализа не мог. Не мог он сказать помещику Иванову, вместе с которым не раз парился в одной баньки и мял рыхлых веселых девок, боярину Мурату, с которым самим и его сыновьями сидел за одним столом, боярину Батову, в усадьбе которого не раз оставался на ночлег – не мог он сказать им всем: «идите на смерть!», а сам остаться позади. Первым пойти мог, последним: никогда! Поэтому Зализа сказал просто:

– Пора! – и расстегнул пуговицы налатника.

Меховой плащ скользнул по крупу коня и упал на снег. Примеру опричника последовали остальные бояре, избавляясь от теплой, но слишком тяжелой одежды, которая в бою станет только мешать.

Зализа вытащил из валенка заранее заготовленную стрелу со свистулькой в наконечнике, взял ее в зубы и тронул пятками коня. Послушный вороной жеребец, доставшийся ему еще от боярина Волошина, пошел вперед, выбредая из леса на русло реки и остановился на самой середине, перегораживая дорогу

наступающим ордынцам. Вокруг начали молча скапливаться остальные бояре. Русских витязей и закованных в латы крестоносцев разделяло порядка трехсот саженей присыпанного чистым, белым, нежно похрустывающим под копытами пушистым снегом лужского льда.

Колонна ордена не замедлила шага ни на мгновение – просто в ее недрах почти сразу затрубил горнист, и она стала как бы распухать в стороны: тяжеловооруженные рыцари выдвигались из походного строя в сторону, образуя ударный клин, а слабозащищенные оруженосцы прятались в середину, под защиту первых бронированных рядов. Издалека, из самого конца длинного обоза, следуя призыву трубы, помчались вперед, сверкая латами, еще несколько десятков рыцарей – правда, без развевающихся за плечами белых орденских плащей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/prozorov_aleksandr/donos-mertveca

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити